

Надежда Первухина

Государственная Девственница

«Викентини! Срочно требуется твоя
помощь! И как мага, и как психотера!»
И.с. Царя племени вибути Степан Водоглазов

Викентий Вересаев

Надежда Первухина

Государственная девственница

«Первухина Надежда»

2019

Первухина Н. В.

Государственная девственница / Н. В. Первухина — «Первухина Надежда», 2019 — (Викентий Вересаев)

Отважные и невезучие герои книги «Проснуться живым» снова попали в потрясающие приключения! Незабвенный Степан Водоглазов по кличке Гремлин отправился в Тайную Африку и стал исполнять обязанности Царя государства-племени Вибути – со всеми вытекающими отсюда неприятностями. И главная из этих неприятностей – Государственная Девственница! А бывший маг, ныне талантливый психиатр Викентий Вересаев живет себе в глухой русской провинции, вовсе не подозревая о том, как в далекой Тайной Африке нужна его помощь! Но разве может быть так, чтобы старые братья по оружию Степан и Викентий НЕ встретились снова и НЕ помогли друг другу?! Может?! Как?! Да что вы спрашиваете?! Читайте – и узнаете! И еще: запомните, если боги государства-племени Вибути предложат вам рай – смело отказывайтесь!

© Первухина Н. В., 2019

© Первухина Надежда, 2019

Содержание

Глава первая. Рассвет на Сонге-реке	6
Глава вторая. Курсы провинциального выживания	13
Глава третья. Москвич на пальме	24
Глава четвертая. Толкование сновидений	35
Глава пятая. На дне	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Надежда Первухина

Государственная девственница

*Посвящается Ларисе Паниной – человеку, который верит в мою
счастливую звезду больше, чем я сама. Спасибо, Лариса!*

Глава первая. Рассвет на Сонге-реке

*Некоторые совершенно не понимают истинного значения
праздников!
Рождественский гусь*

Это утро джунгли запомнили надолго.

Сначала был ливень. Он пришел, как приходит в родную гавань потрепанный всеми бурями фрегат, считавшийся давно погибшим. Он принялся шуметь, но не монотонно и скучно, а словно студент, подгулявший в трактире после сдачи сессии. Он изливался на каждую зеленую ладонь пальмового листа и каждый жадно раскрытый ротик цветка – изливался с веселой щедростью пены, выплеснувшейся из бутылки шампанского. И джунгли, до сего момента траурно-молчаливые, вмиг преобразились, общим настроением напоминая девушку, которой только что сделали предложение руки и сердца. Стволы древних пальм, опутанные, словно бутылки благородных вин, серо-коричневой волокнистой паутиной, уходили в запредельные небеса. Во вспененных изумрудных вершинах деревьев запутывались звезды и стряхивали вниз, в густую траву, свой серебряно-жемчужный свет. А когда этот благословенный дождь закончился, цветущие и благоухающие заросли возликовали, как верующие, услышавшие прямиком с небес обетование райского блаженства.

Тучи разошлись, выпуская на сцену этого праздника жизни солнце. Оно осветило изысканную в своей томной прихотливости чашу, и солнечные лучи, пробившись сквозь напоенные дождем заросли, напомнили собой бесконечные золотые колонны в парадном зале несуществующего музея всемирных драгоценностей. Мириады птиц – крупных и крошечных, голосистых и умирительно бесшумных – мелькали в сложном кружеве малахитово блестящих влажно-сочных лиан. Птичье оперение, алое, лимонно-желтое, белоснежное, густо-синее, вдруг вспыхивало и переливалось в солнечных лучах, доставляя глазам стороннего наблюдателя мгновенную режущее-сладкую боль созерцания недолговечной красоты. А цветы!.. О эти тропические цветы, несбыточная мечта всех оранжерей мира! Они подавляли своим почти божественным совершенством! Атласно блестящие, бархатно нежные, водянисто хрупкие лепестки их были полны дивного цвета, аромата и того самодовольства, которое свойственно красоте, внушающей лишь восторг и преклонение. А этот воздух, воздух рассвета в сердце фантастических жарких зарослей! Он был как долгий поцелуй спросонья: влажный, сладкий, пряный, дразнящий и утомительный. От этого воздуха лицо словно немело, губы сами собой растягивались в улыбку и сразу хотелось и петь, и плакать.

Это было прекрасно, потому что это было преддверие Непопираемой земли – места, куда нет доступа человеку, лишенному нежностей воображения. В этих зарослях не ступала нога европейца, ибо европеец видит красоту мира плоской и липкой, как туристический буклет, и сразу хочет оценить свои эмоциональные затраты соответственно предложению туроператора. Сердца европейцев – это ломбарды и банкоматы, и потому да не войдут они в Непопираемую землю! Этих зарослей не побеспокоит и стопа азиата – ведь здесь нечему учиться, кроме кротости и смирения, а кротостью вселенной не завоевать¹. Люди, достойные пребывать в средоточии этой тропической благодати, воистину должны быть *особыми* людьми.

Что ж, сегодня джунглям исключительно повезло. Целая процессия именно таких людей двигалась сейчас по тропе, проложенной среди зарослей благоухающих цветов.

¹ А про американцев и говорить нечего. Потомки Индианы Джонса слишком увлеклись повсеместным строительством закусочных типа «Макдоналдс» и адвокатурой.

Над тропой в переплетении лиан задумчиво покачивался леопард. Он только что позавтракал и потому блаженно наслаждался покоем. Но внезапно он напрягся и открыл глаза – его уши уловили ритмичный шум, который могло производить только одно существо на земле. Леопард недовольно шевельнул усами: существ двигалось много, потому они и шумели так смело и легкомысленно. Зверь услышал визгливые и гортанные вопли, рокочущий морским прибоем грохот барабанов и пронзительный рев, который производят вздорные двуногие существа при помощи причудливо закрученных раковин местного гигантского трехногого моллюска. Рев раковин особенно раздражил леопарда. Зверь приглушенно зарычал, словно предупреждая, что не советует глупым двуногим существам соваться сюда, в самую глушь джунглей, со своими раковинами, песнями, барабанами и мускусно пахнущими болтливыми смуглыми самками.

Но шумные существа не слышали этого рычания, и немудрено. Потому что для них настал великий рассвет. И потому люди покинули свое селение, двинувшись многочисленной процессией сквозь заросли к реке под названием Сонга. Воды Сонги вполне оправдывали свое название, ибо на языке идущего к реке племени «сонга» значило «золотая» – воды были золотого цвета и струили приглушенное сияние подобно складкам парчовой ткани. Здесь, в глубине джунглей, был исток этой затерянной реки. А еще... Но не будем забегать вперед. Ведь сначала надо сказать и о том, кто шел сейчас в торжественной и шумной процессии, сердя леопардов и волнуя крошечных райских птиц.

Впереди ступали семь старцев в белоснежных одеждах, расшитых золотом и алыми перьями священных фениксов. Там, где босые ноги старцев касались пропитанной соками трав тропической земли, вспыхивали страстным блеском россыпи рубинов и изумрудов, но на такое чудо никто из шедших следом за старцами не обращал ни малейшего внимания, словно такое спецпроизводство драгоценных камней было делом обыденным и неинтересным. За старцами в белом вышагивал абсолютно лысый и к тому же рогатый старец в черном. Его лысина сияла позолотой, а меж кончиков длинных крепких рогов была натянута тонкая проволока с подвязанными к ней многочисленными бубенцами и колокольцами. Это музыкальное хозяйство издавало нежный, но в то же время слегка угрожающий перезвон, словно предупреждало, что их рогатый владелец – тип отнюдь не безобидный. Рогатого сопровождали два высоченных красавца, из одежды имеющих на себе лишь что-то вроде золотых передничков. Красавцы мерно двигали опахалами над рогами впереди идущего старика, создавали дополнительный приток ароматного жаркого воздуха.

Но что красавцы с опахалами! Ведь прямо за ними двигался истинный цветник! Дюжина изящных, хрупких, как статуэтки из северского фарфора, девушек. Они шли парами, держа в смуглых руках странные полупрозрачные сосуды с крепко запечатанными горлышками. На шоколадной коже красавиц золотой пудрой светились вычурные узоры. В длинных распущенных волосах томились бутоны цветов, на запястьях и щиколотках позвякивали браслеты. Но девушками шествие не ограничивалось. Они, похоже, были только прелюдией – ведь тот паланкин, что несли на плечах рослые смуглокожие юноши, явно имел статус кульминации. Паланкин (столбики из черного дерева, пурпурно-червленые занавеси и катастрофическое изобилие драгоценностей) плыл в волнах благовоний и шорохе листвы. И тот, кто прятался в этом паланкине, был, видимо, настолько велик и важен, что даже сердитый леопард (который упоминался выше) почуял неладное и разумно поспешил убраться восвояси.

Хотя его могли напугать и те многочисленные чудовища, что замыкали шествие. Мы не будем их описывать подробно, упомянем только, что рук (точнее, сходных по строению с руками конечностей) у них было в три раза больше, чем положено виду *homo sapiens*. Кроме того, существа были покрыты крупной чешуей приятной черно-желтой расцветки... Судя по всему, этим ребятам приходилось играть роль не только музыкантов, но и телохранителей.

Звонящая и брызжащая драгоценными камнями процессия миновала заросли душистого растения, в переводе с местного наречия именуемого «супруг, стыдливо прячущий от жены свой новый тамтам», и вышла на берег Сонги. Как раз в этот момент с неба испарились последние облачка, солнце воссияло во всей своей силе и воды золотой реки заблестели так, что неподготовленный наблюдатель запросто мог получить ожог сетчатки. Старцы остановились у кромки воды. Девушки изящно опустились на колени и стали еще больше похожи на цветочные бутоны. Паланкин тоже поставили в траву. Тут же у пурпурного средства передвижения отдернулась занавеска, и над волнами священной Золотой реки прозвучала раздраженная и немелодичная реплика московского обывателя:

– Меня укачало!

Из паланкина вяло, только для проформы поругиваясь, выбрался под купол здешнего сапфирового неба человек. Был он смугл, но не настолько, чтобы его кожа совершенно походила на кожу девиц или старцев из процессии. Да и лицом он скорее походил на завсегдатя каких-нибудь Лужников, чем на здешних прекрасных и совершенных аборигенов.

– Ну транспорт тут у вас! – продолжал изъяслять недовольство тип из паланкина, – Я думал, хуже поездов на кольцевой в час пик и быть ничего не может... Ошибался. Ох, великая Царица Аганри, чтоб тебя, как голова-то кружится!

Все это он произнес на великом и могучем. Дальнейший же разговор происходил на местном диалекте, в знании которого неизвестно откуда взявшийся в сердце джунглей русский выказал недюжинные способности.

Старик с рогами на золоченой лысине пронзительно глянул на кислую физиономию русского и произнес, шипя и фыркая, как разъяренный барсук:

– Нхо-н-эн лах тарш-ин-глоох, Этане! Оойё? (В столь торжественный момент настоящему мужчине неуместно жаловаться, Степан! Проникаетесь?)

– Оойё, наблиги Тонтон Макут? – мрачно кивнул Этане, он же Степан. – Оойё нартх-н-олули! (Проникаюсь, великий колдун Тонтон Макут! Проникаюсь, как полночная змея в сандалию спящего воина!)

– То-то же, – с чудовищным акцентом, но по-русски, удовлетворенно сказал рогатый колдун Тонтон Макут. Следует заметить, что Тонтон Макут отнюдь не был полиглотом, но русское выражение «то-то же» выучил от Степана быстро и с удовольствием.

Для того чтобы не утомлять читателя подстрочным переводом, все остальные диалоги будут приводиться на языке Москвы и Костромы. За исключением местных идиоматических выражений, разумеется.

– Эх, – сказал Степан, – сейчас бы принять сто пятьдесят трижды очищенной для поправки моего пошатнувшегося вестибулярного аппарата. Ведь это надо такое учудить – полсотни километров протягать меня в этом паланкине!

– Белокожие люди слабы и не могут вынести даже малого неудобства, – ехидно ответил Тонтон Макут. – Велеть подать вам настойки, Этане?

– А на чем настойка?

– На коже осьминогов.

– Спасибо, воздержусь покуда. Меня с осьминогов пучит. Так, что стоим? Кого ждем?

– Чуда, – кратко ответил Тонтон Макут, а семеро старцев поглядели на Степана с вежливой укоризной.

Тот смешался:

– Вот только не надо на меня глядеть взором брошенной пятнадцатой жены! Я тут сколько уже живу, а до конца ваших чудес-традиций так и не просек! Могли бы и растолковать, что к чему, бедному бывшему москвичу!

– Что ж, придется, – вздохнул Тонтон Макут (бубенцы меж его рогов тихо звякнули) и сделал знак самому моложавому из семи старцев. – Жрец Окойи, вы лучше всех изъясняетесь современными Непочтительными Словами. Вы и держите речь.

Жрец Окойи, которому недавно минуло всего-навсего триста семнадцать лет, поклонился колдуну, отчего с его белоснежных волос посыпался жемчужный бисер и розовые лепестки, и обратился к Степану:

– О почтенный белокожий господин, ныне частично исполняющий обязанности нашего великого государя Алулу Оа Вамбонга...

– Да воссияет он в Сонме богов и да растопчет своих врагов! – хором грянули все.

– Аминь, – добавил Степан.

– Да будет тебе известно, преславный господин Этане, что наше маленькое, но гордое государство Вибути пользуется особым благорасположением Сонма богов.

– Это я заметил, – кивнул Степан. – Особенно в прошлом году, когда половина племени, то есть, пардон, государства, маялась от лихорадки, тридцать ловцов речного жемчуга пошли на обед крокодилам, а потом еще землетрясение началось... Ваши боги такие шутники!

– Не кошунствуй, Этане! – прикрикнул Тонтон Макут. – Наши боги долготерпеливы, но обидчивы!

– Я могу продолжать? – напомнил о себе жрец Окойи. И, не дожидаясь ответа, заговорил: – Благорасположение Сонма богов заключается отнюдь не в том, что они лично защищают наших ловцов жемчуга от крокодилов или излечивают больных лихорадкой. А землетрясение, кстати, началось из-за того, что богиня Махуанлоло накормила бога Охломамона несвежими корешками дерева птути, и от этого бог Охломамон начал сильно икать...

– Ближе к сути, – поторопил жреца Степан.

Тот кивнул (снова выпал град из бисера и розовых лепестков).

– Когда вы появились в нашем государстве, господин Этане, нося в себе первый лик великого Царя Алулу Оа Вамбонга...

– Да воссияет он в Сонме богов и да растопчет своих врагов! – грянул воодушевленно туземный хор.

– Аминь! – рявкнул Степан.

– Так вот, когда вы, чужеземец из далекой холодной страны, явились в нашем государстве, вы не могли не заметить, что нам сопутствует удача во всех делах. В должное время солнце давало нам свет, а тучи – благодатный дождь, на деревьях поспевали плоды, лютые звери джунглей не трогали наших собирателей ягод и ароматных смол, а над посевами не кружил прожорливый крылатый жучок мбонга... Наши женщины рожали много детей, соседние племена опасались идти на нас войной, у нас не было болезней, голода и печали...

– Ну я б, конечно, не стал рисовать все так идиллически, – вставил словечко Степан. – Меня тогда полгода тошнило, пока я научился есть ваше фирменное блюдо – жареных кузнечиков в сиропе дикой орхидеи!

– Вы, о житель скорбной страны, должно быть, не раз задавались вопросом, почему у нашего племени все столь благополучно. Возможно, вы считали, что благополучие племени обеспечивает великий Царь Непопираемой земли Алулу Оа Вамбонга...

– Да воссияет он в Сонме богов и да растопчет своих врагов!!!

– Аминь!!!

– ...и были бы правы. Но тайна процветания государства Вибути не только в этом. Ранее мы не могли говорить вам об этом, Этане. Мы недостаточно вам доверяли. Но случилось так, что Царь Алулу Оа Вамбонга...

– Да воссияет он в Сонме богов и да растопчет своих врагов!!!

– Аминь!!!

– ...удалился от дел и отправился в самое сердце Непопираемой земли, дабы усовершенствоваться и обрести новую небесную мудрость, а вожжи колесницы власти он передал вам, о почтенный Этано. И значит, пришло время открыть вам тайну нашего благополучия. Тайна заключается в том, что мы обладаем Великой Милостью Белой Птицы.

– Не понял...

– Тут мои уста умолкают, ибо о Великой Милости Белой Птицы говорить дозволено только старейшему жрецу, – заявил жрец Окойи и указал на сухонького старичка, который клевал носом с самым величественным видом.

Старичка деликатно растолкали. Он потоптался, зевнул, чихнул, проморгался и вдруг заговорил необычайно сильным для столь тщедушного тельца голосом:

– Сие доподлинно известно мне от моего отца, тому – от его отца, а тому – от его отца, ибо избраны мы хранить преславную историю дарования племени вибути Великой Милости. Так было: в начале бог Онто сотворил человека вибути. И поселил его среди деревьев прекрасных и трав ароматных, повелев жить и радоваться. Но тут вмешалась злая богиня Ар, которой не понравился человек вибути, и стала вредить: насылала засуху, лихорадку, а также злобного жучка мбонгу, чтобы оставить племя вибути без урожая; повелевала хищными зверями, дабы они нападали на людей; краля жемчуг, который добывали ловцы племени, и продавала его жадным купцам с Севера... И взмолились вибути богу Онто о спасении и защите, но бог Онто к тому времени сильно одряхлел, от дел своих устранился и к мольбам остался глух. И тогда на помощь племени пришла Белая Птица, оставив вибути завет на все времена: племя никогда не тронет ее потомства, а взамен будет получать Великую Милость. И когда племя вибути получило свою первую Милость, злой богине Ар ничего не оставалось делать, как сдаться и уйти с досадой к другим племенам, которые еще не знакомы были с ее постыдным нравом. С тех пор племя получает Милость, едва в ней возникает нужда, и после живет безбедно, радуясь и прославляя Белую Птицу.

– А поконкретнее нельзя? – нетерпеливо спросил Степан.

Старец глянул на него с таким изумлением, будто на голове любопытного русского вырос по меньшей мере баобаб. На помощь пришел жрец Окойи.

– Конкретнее нельзя, – развел он руками. – Милость есть милость.

– Ага. Ну конечно, – хмыкнул Степан, – вот прямо с небес на вас кирпич сваливается, и вы начинаете кричать: «Милость! Милость!» Как вы распознаете, что это именно она, а не простое природное явление, к примеру?

– Она не выглядит как природное явление, – отвечивал жрец Окойи. – И вы в самое ближайшее время в этом убедитесь, белый господин. А теперь замкните уста. Не место расспросам и любопытству. Ибо настало время молений – Милость нисходит к нам по водам реки Сонги.

– Все, молчу, – развел руками Степан. – Изображаю благочестивого коматозника...

– О боги Вииза и Угэк! – опечаленно пробормотал Тонтон Макут. – Зачем мы притащили на священную церемонию этого вздорного русского? А все причуды Царя! Ушел в Непопираемую землю, оставил племя на белокожего тупицу, который даже не умеет читать мыслей, не говоря уж о том, чтоб видеть истинные лица своих подчиненных!..

– Охлади свои уста от горячих слов, Тонтон Макут! – немедленно потребовал самый старый жрец. – Ибо солнце раскрывает глаз свой, а над водами Золотой реки уже шелестят белые крылья.

– Таи тано! – хором воскликнули доселе застывшие изваяниями девушки. А музыканты принялись наращивать ритм своих барабанов. Под эту дикарскую музыку девушки сняли крышки с хрустальных сосудов...

– Благовония! – скривился Степан.

Но это были не благовония. В сосудах была земля – обычная, как то могло показаться стороннему наблюдателю.

– Прах первой Милости приветствует Белую Птицу! – сказала одна из девушек, воздевая к небесам хрустальный сосуд.

– Прах второй Милости приветствует Белую Птицу! – подхватила другая, производя со своей хрустальной емкостью аналогичные манипуляции.

– Прах третьей...

– Прах четвертой...

– Прах? – недоуменно поморщился Степан. Однако недоумение он выражал несвойственным для себя шепотом. – Вы что, сюда весь свой колумбарий притащили?!

Бестактному русскому никто не ответил. Он помялся и понял, что в ближайшее время тут никому не будет до него дела – все полностью захвачены церемонией.

– Эх, нету тут для меня комментатора, – вздохнул Степан.

А старший жрец заговорил распевно, простирая руки к золотым водам:

– Амаи намен тану-н-араи! Энге ту хан-у-ноон!

Степан наморщил лоб:

– «Приди, несущая знак чистоты? Осени нас заветом милости?» Непонятно. Что-то я, видно, не так перевожу...

Меж тем вокруг разворачивалось воистину грандиозное действо. Под неумолчный рокот барабанов девушки затеяли сложносоставной танец и совершали его с серьезным, почти медицинским видом. Тонтон Макут вычертил в воздухе ярко светящиеся знаки своего колдовства, и Степан внезапно почувствовал, что земля у него под ногами гудит, как огромный трансформатор. А жрецы, видимо не удовольствовавшись ролью сторонних наблюдателей, ступили прямо на золотые воды Сонги и медленно вышли на середину реки, обратив свои лица к солнцу и неумолчно продолжая призывать ту, что несет на себе знак чистоты.

– Не знал, что среди вибути практикуется еще и водохождение, – возбужденно пробормотал Степан. – Мобильников нет, телевидения нет, а по водам ходят, как по парку! Что за люди!

Впрочем, «люди» – это спорное утверждение. Едва жрецы оказались на середине реки, как из их согбенных спин самым откровенным образом выметнулись белоснежные, с перламутровым переливом крылья и захлопали, точно паруса от попутного ветра.

– К-крылатые качели! – ругнулся изумленный Степан. – И с этими мутантами я пил жабыю настойку все эти долгие африканские годы!

Видимо, то, что у жрецов вибути столь внезапно выросли крылья, удивило даже солнце. Ибо солнце вдруг превратилось в выпуклый золоченый глаз с белой точкой зрачка. И точка эта с каждым мгновением становилась больше, превращаясь постепенно в размытую горизонтальную полосу. А потом Степан понял, что никакая это не полоса, а громадная птица, чьи перья белее снега, белее света, белее всего, что может выдумать спектральный анализ...

Чья-то мягкая ладонь, пахнувшая корицей и кофе, плотно закрыла Степану глаза.

– Ты ослепнешь, светлокожий господин, ибо тебе не дано второго зрения для созерцания божественной чистоты, – проговорил обладатель ладони, и Степан поначалу не узнал по голосу, кто это был.

– Я хочу видеть, – засопровтивлялся Степан. – Имею право! У меня полномочия царя, да воссияет он и да потопчет! Я, может, единственный русский, кому выпадет такая удача – поглядеть на эзотерические тайны государства Вибути! А ну пусти!

Но ладонь держала крепко, и Степан принужден был сдаться. Впрочем, сдаваясь, он произнес несколько родных ругательств и хоть этим отвел себе душу. Когда же наконец неизвестный доброжелатель снял ладонь с глаз Степана, выяснилось, что птица с крыльями, что белее всего на свете, уже улетела, солнце сияет как обычно, жрецы выглядят вполне по-человечески, девицы не танцуют, а просто почтительно утыкаются носами в прибрежный песок...

А еще в окружающей нашего героя панораме имелась небольшого размера продолговатая плетеная корзинка, которую почтительно нес в руках старший жрец.

Обычная корзинка из прутьев...

– У-а-а-а! – подала голос корзинка. Точнее, ее содержимое.

– И это все?! – изумился Степан.

Глава вторая. Курсы провинциального выживания

Вы полагаете, врач – это героизм?
Доктор Живаго

Зима в провинциальной России – явление не климатическое, а апокалиптическое.

Викентий Вересаев понял это в ту свою первую роковую зиму, когда навсегда покинул Москву и перебрался в далекий, затерянный в бесконечных провинциальных полях и лесах город, точнее, поселок городского типа под названием Медвянка. Этого захолустья нельзя найти на картах. И Викентия это вполне устраивало. Так вот, в ту первую медвянскую зиму он вдруг почувствовал, как снег устилает своим равнодушно-покорным покровом не только окрестности, но и все, что тогда так сильно горело и болело в его собственной душе. Словно Всадники снежного апокалипсиса оказались на самом деле отнюдь не грозными парнями, а, остановив своих коней в вихре метельной пыли, вошли к Викентию в дом и даровали ему долгожданное холодное забвение – мать всех ненужных добродетелей. В первую медвянскую зиму, за сотни километров от проклятой и драгоценной Москвы, Викентий наконец перестал пить водку и плакать. В одно прекрасное провинциальное утро он проснулся с трещавшей от бессмысленно принятой накануне водки головой и понял: жизнь не продолжается, а начинается заново, с абсолютного онтологического нуля. И теперь вся задача состоит в том, чтобы этот ноль превратить в положительное множество событий. Измениться самому и изменить мир. Чего проще!

Он принял как аксиому: то, что случилось с ним в Москве, – больно, но не смертельно. Однако оставаться в столице просто не было сил. И тогда он перебрался к своему дальнему, практически забытому за ненадобностью родственнику в Медвянку, предложив тому взамен обосноваться в его московской квартире. Родственник просто захлебнулся счастьем от такого обмена и рванул в столицу с поразительной скоростью, оставив Викентию свой дом.

А дом был отнюдь не плохим. Он крепко, хоть и слегка покосившись, стоял на каменном фундаменте, а его бревенчатые стены надежно защищали нового хозяина не только от холода, но и от ненужной печали. В доме было три комнаты и крошечная кухня со старой чугунной плитой и русской печкой. Викентий, слегка удивляясь открытым в самом себе способностям к первобытной жизни, без усталости колол дрова и таскал воду из ближнего колодца. В первый медвянский год он занимал себя любой работой и доводил до полного изнеможения ради того, чтобы хоть на мгновение забыть, что отныне его жизнь пойдет без Элпфис.

О нет, ничего трагического. Просто очередная гримаса судьбы. Викентий был благодарен и за то, что хоть какое-то время Элпфис жила с ним и он мог упиваться этим незатейливым счастьем – засыпать и просыпаться рядом с безгранично любимой женщиной. Их совместная жизнь поначалу представлялась Викентию романтическим праздником, состоявшим из карнавала нежностей, фейерверков страсти и пронзающих сердце задушевностей при свечах. Однако свечи погасли, фейерверки отстремели, а яркие карнавальные маски оказались дрянными поделками из папье-маше. И постепенно Элпфис превратилась из нежной феи в розовом домашнем халатике в угрюмую, замкнутую женщину, избегающую как объятий, так и разговоров. Викентий не понимал ее и удивлялся: в чем дело? Он думал, что его возлюбленной нужны деньги и роскошь – что ж, это легко, и он сумел найти себе отличную частную практику, а затем вообще открыл собственную клинику психотерапии с уникальной лечебной методикой. Эта клиника в буквальном смысле пролила на доктора Вересаева золотой дождь, не то что его прежний пошлый псевдомагический салон. Ибо, как оказалось, в столице (да и вообще в России) людей, страдающих от неврастений, депрессий, фобий и запойных синдромов, куда больше, чем тех, кто жаждет навести порчу или снять венец безбрачия. Хотя одно другого не

исключает... Итак, Викентий открыл клинику, она прославила его имя, поскольку в каждом клиническом случае результат выздоровления был стопроцентным. Но после того как Викентия стали называть лучшим столичным психотерапевтом, а о «методе Вересаева» заговорили в солидных медицинских журналах, Элпфис отдалась от него еще больше, в глазах ее застыл февральский колючий лед, а на все попытки Викентия поговорить с ней по душам Элпфис отвечала затяжным скандалом, заявляя, что она не его психопатическая пациентка и с ней такие номера не пройдут. Викентий тогда повздыхал и решил, что Элпфис, подобно многим столичным обеспеченным, но неработающим дамам, хочет «выходить в свет», и нашел для своей любимой лошное общество с аристократическими замашками – благо, среди его, вересаевских, пациентов обнаружился какой-то то ли князь, то ли граф... Но Элпфис, как оказалось, была настроена непримиримо к великосветским сплетням, вечеринкам с обязательными дорогими коктейлями и демонстрацией платьев знаменитых кутюрье...

Пару раз побывав на таких раутах, Элпфис возвращалась домой злая и потом долго исходила ядом по поводу тупых красоток, которым не о чем говорить, кроме курортов, соляриев и своих многочисленных не менее тупых любовников... Тогда Викентий подумал, что, возможно, им с Элпфис пора обзавестись ребенком (лучшее средство избавить женщину от депрессии!). Но Элпфис смотрела на это иначе. Она наговорила Викентию чудовищно несправедливых гадостей (о, это не оговорка автора, гадости в редких случаях бывают и справедливыми). Обвинила его в том, что он превратил ее в свою куклу и предмет интерьера их роскошной квартиры. А потом одним прекрасным утром ушла в неизвестность, оставив Викентию записку с просьбой все забыть и не разыскивать ее. Викентий не выполнил просьбу. Он искал Элпфис по всей Москве, без конца звонил на ее мобильный телефон и в результате сплошь окольными путями выяснил, что его любимая женщина по какой-то лишь ей одной понятной причине отныне живет с оборотнем Кириллом. Когда-то Викентий общался с этим симпатичным парнишкой, но он и представить не мог, чтобы Элпфис...

– А чего ты хотел? – сказала тогда Вересаеву Розамунда. – Она ведь жила с тобой и постоянно мучилась от своей неполноценности.

– Это полнейшая нелепица!

– Отнюдь. Элпфис так и не почувствовала себя человеком до конца. Ее очень унижала мысль о том, что она – всего лишь фрагмент той твари, Надежды Абрикосовой, которую вы тогда, давным-давно, обезвредили.

– Да, такое вряд ли забудешь...

– Так вот, Элпфис постоянно считала себя неполноценной. Потому и связалась с Кириллом – он ведь тоже не совсем человек. Можно сказать, что Элпфис нашла свою экологическую нишу.

– Она же его не любит!

– Дорогой Викентий, женщина очень часто сама не понимает, что же она подразумевает под этим истертым словом «любовь». Я когда на Элпфис посмотрела... Мне показалось, что ей сейчас и на себя-то любви не хватает, куда же ей любить еще и других. Она измученная и несчастная.

– Неправда! Ведь было же у нас все хорошо...

– Вот знаток ты человеческих душ, Викентий, психиатр, а иногда самых простых вещей не понимаешь. Сходи-ка на досуге в библиотеку, возьми сборник «Китайская эротическая культура»...

– Брал, читал. Фаншу, весенние картинки, наложница Ян-гуйфэй... Пикантно, конечно, но при чем тут моя проблема с Элпфис? Мы с ней, во-первых, не китайцы, а во-вторых, разве можно всю любовь свести к этому, как его... «шаллому мотыльку, собирающему аромат с лепестков пиона»?... Мотыльком без устали порхать – крылья отвалятся!

– Это да, – глубокомысленно кивнула Розамунда. – Что китайцу хорошо, то русскому мужику – смерть. Но дело вовсе не в постельном искусстве. В одном китайском трактате гово-

рится о разных типах женщин – для того чтоб мужчина мог таким образом понять свою избранницу и выбрать оптимальный вариант поведения. Китайцы учат, что есть пять первоэлементов природы: огонь, вода, земля, металл, дерево. Если в женщине преобладает огонь, она энергичная и скандальная, влюбчивая и страстная. Она может и сжечь, но может и согреть всю жизнь, главное, чтоб мужчина направлял ее огонь в нужное русло и не давал ему гаснуть или, наоборот, чрезмерно бушевать. Если преобладает вода – женщина переменчива в характере и привязанностях, ее настроения неуловимы, она легкомысленна и имеет короткую память. Мужчина, полюбивший ее, должен всегда представлять перед ней новым, таинственным, полужакомым, чтобы не наскучить ей, иначе она просто утечет к другому избраннику, которого ей интереснее будет разгадывать и очаровывать.

– Кхм...

– Это не твой случай. Продолжаем. Женщины стихии земли спокойны, кротки и терпеливы. Это лучшие матери и хозяйки. Мужчине, который не хочет тратить всю свою плотскую энергию на страсть, будет легко, спокойно и уютно с такой женщиной. Но женщина земли никогда не скажет: «Я тебя люблю». Она скажет: «Я тебя жалею», потому что ее любовь – это забота, сострадание и милосердие.

– Ну ты устроила лекцию...

– Ничего, послушай, полезно будет. На будущее. Одной только Элпфис мир не ограничивается.

– Знаешь что!..

– Знаю. Так, что у нас осталось... Женщина-металл.

– Тут все понятно. «Железная леди» и так далее.

– Только отчасти. Металл, он разный. Есть сталь и есть серебро. И золото, конечно. Стальных дам ты узнаешь сразу: это они приходят к тебе с невротами, потому что стали директорами банков, руководителями крупных фирм и владелицами столичных рынков. Но сердце у них бесконечно плачет, тоскует и болеет. Они добились успеха в карьере, добились богатства, популярности или даже славы. Но они – самые несчастные женщины, эти стальные леди.

– Это почему?

– Потому, что рядом с ними нет таких мужчин, которые смогут управиться с этой сталью. Спутники стальных женщин – или такие же железные болваны, у которых вместо сердца микропроцессор, или никчемные слюнтяи и слабаки, которые ноют про свои проблемы, болезни, несчастья, вынуждая стальную женщину к жалости и паразитируя на ее жизни. Ни от первого, ни от другого типа мужчин такая женщина не получит удовлетворения. А получит депрессию, с которой и придет к тебе на прием. Так что не прописывай такой женщине таблетки, вели ей срочно в порядке медикаментозной терапии сменить мужчину.

– Хм... А если она этого мужчину на меня сменит?

– Не надейся, – обрадовала Викентия Розамунда. – Стальной леди для счастливой жизни нужен полноценный мужчина-романтик. Чтоб читал ей стихи до рассвета, чтоб пел колыбельные, дарил букеты собственноручно собранных полевых цветов и увозил куда-нибудь в Зурбаган на корабле с алыми парусами. Хотя рождественский вечер в затерянном альпийском шале тоже подойдет.

– Спасибо тебе, разъяснила. Что там дальше... про металлических женщин-то? Какие там в ассортименте: серебряные, золотые, бронзовые, платиновые? Просто золотой запас страны! Напридумывали эти китайцы!

– Вот не надо ерничать, дорогой Викентий! Мудрые китайские мужчины, изучая основы древнего постельного искусства, обеспечили своей желтой расе прямо-таки вселенскую рождаемость. А от тебя, российского кисломолочного вялотекущего мужичка, не всякая баба рожать согласится. Да и не то что рожать...

– Розамунда, не переходи на личности! Хватит меня унижать!

– Дурачок, – спокойно сказала Розамунда. – Это не я, это ты сам себя унижаешь. Не совершенствуешься, не стараешься достичь жизненных высот. Водку глушишь и на жизнь плачешься.

– И н-неправда!.. Ты вот что... Давай лучше про женщин. Золотых-серебряных.

– А что про них говорить? Такие женщины – штучное производство. У них все гармонично: тело, ум, красота, душевные качества. Они добродетельны и страстны, но в меру. Эти женщины могут как возвысить мужчину – до своего уровня, так и окончательно унизить его. Тут как сам себя поведешь. Ведь нелегко вечно жить с драгоценной во всех отношениях женщиной. Хочется чего-то простого, невозвышенного. Таким женщинам чаще всего изменяют мужчины, причем изменяют с самыми низкопробными девками, потому что устают от вечного сияния своей основной спутницы и не стремятся к самосовершенствованию. Мужчина, особенно европейский, вообще редко стремится к совершенству, он полагает, что его должны принимать таким, каков он есть – со всеми слабостями, недостатками, пороками и вредными привычками. Вспомни любую европейскую сказку... Хоть «Золушку». Ведь это замарашка-Сандрильона изменилась для принца, а не наоборот! А вот в китайском древнем свитке некий симпатичный чиновник-сюаи так усовершенствовал свое тело, что за ним тянулась очередь любящих женщин длиной с Великую стену!

– А у нас еще есть сказка «Красавица и чудовище». Потом этот... «Аленький цветочек»!

– Это исключения, лишь подтверждающие правило.

– Тебе, Розамунда, не угодишь. Вот сама-то ты к какому элементу относишься?

– Речь не обо мне. Насколько ты помнишь, речь мы завели об Элпфис и о том, почему у вас развалилась семейная жизнь.

– Ну да...

– Так вот. У нас остались женщины, по складу души и жизненной силе относящиеся к элементу «дерево».

– Хм... То есть такие, которые в постели лежат, как бревна в штабеле?

– Ты иногда бываешь беспримерно пошлым и недалеким, уважаемый Викентий. Дерево и бревно – две большие разницы, как говорят. Женщина из стройной березки или томной ивы превращается в бревно тогда, когда ее какой-нибудь мужлан-лесоруб спилит, лишит корней, то есть жизненной силы и всего, что дорого. А вообще для женщины-дерева характерно бесконечное желание быть выше и совершеннее, дарить всему миру свое совершенство, талант и любовь, как дерево дарит каждому путнику тень от своей листвы. Таким женщинам мало одной семьи, им нужно осчастливить собой как можно больше людей вокруг. Они растут, и если спутник жизни мудрый человек, он поможет росту, а не станет губить на корню. Не станет превращать женщину в бревно.

– Так, ты хочешь сказать, что я Элпфис под корень спилил и засушил?! Черт побери, да я для нее делал все!

– Вот это и было твоей ошибкой. Ты должен был позволить делать ей. Немудрено, что она засохла и все доброе и нежное слетело с нее, как листва под ноябрьским ветром. Сначала она разочаровалась в себе, а потом и в тебе.

– Но почему она мне этого не сказала? Почему не дала все исправить?!

– Поздно, – спокойно ответствовала Розамунда. – Наступает такой момент, когда дерево уже бесполезно поливать и удобрять.

– А Кирилл, этот мальчишка, значит, годится ей в... садовники!

– Значит, годится, – констатировала Розамунда. – Он наполовину оборотень, зверь, а звери не мешают деревьям расти. С ним Элпфис снова почувствует себя свободной и нужной.

– Мне она тоже нужна!

– Да, только как поленья для растопки камина твоей страсти. А ему – как лес...

– Ах, черт возьми, какой я оказался неромантичный и непоэтичный психиатр!

– Что есть, то есть, – согласилась Розамунда. – Только ты опять повторяешь свою ошибку: вместо того чтобы исправить положение и жить дальше, обретя определенный опыт, ты надеваешь на себя личину непонятого и несчастного гордеца. Не изменяешься, а вновь заявляешь миру: такой вот я разэтакий, любите меня, каков я есть, или идите ко всем чертям. А это неконструктивно. Пластичность – вот основа жизни. Ты ведь даже больных своих лечишь не самостоятельно, а при помощи того дара, которым наделил тебя Алулу Оа Вамбонга.

Тут Вересаев сникал. Розамунда была права. Но она не унималась:

– Это я тебе сказала не в осуждение. А для того, чтобы ты всерьез занялся самосовершенствованием. И тогда жизнь твоя изменится в самую положительную сторону, вот увидишь.

– Да, – усмехнулся про себя Викентий. – Легко.

Вот и начал он самосовершенствование с того, что переехал из наделенной всеми удобствами, прекрасно обставленной квартиры в неизвестную цивилизации глушь. Он не признавался самому себе, что с некоторых пор Москва стала для него проклятым городом. В столице, куда ни ступи, незримо присутствовала Элпфис: на Воробьевых горах, куда они ездили после свадьбы; на строительной ярмарке – они опять-таки вместе выбирали там обои и кафель для их квартиры, в Третьяковке, где Элпфис любила подолгу стоять перед фаустовским триптихом Врубеля... Воздух Москвы пах для Вересаева любимыми духами Элпфис «24, Фабор». И таким воздухом Викентий больше не мог дышать.

А в Медвянке воздух был спокойным и рассудительным. Даже каким-то вялым. Этот воздух отрезвлял, вразумлял, исцелял душевную тоску. Возможно, именно поэтому в девяти километрах от поселка, в чистом поле, стояла психиатрическая лечебница имени Кандинского. Туда Вересаев устроился на работу. Его приняли чуть не со слезами истерического восторга – за то время, что Викентий прожил с Элпфис, он в собственной московской клинике реально исцелил такое количество народу «с отклонениями», что слава о нем гремела и далеко за пределами столицы. Викентий, словно новоявленный чудотворец, возвращал к здоровой и полноценной жизни больных с запущенным корсаковским синдромом, необратимых алкоголиков, имбецилов, психопатов и невротиков. И ему для этого не нужны были ни нейролептики, ни палаты электросудорожной терапии... Спасибо Царю Непопираемой земли, преславному хитрецу Алулу Оа Вамбонга, вручившему несостоявшемуся магу Викентию Вересаеву часть своей царской благодатной силы. Царский дар работал безотказно, правда, Викентий старался использовать его только в самых запущенных случаях, когда обычные средства не срабатывали. К тому же исцелить всех и сразу, лишь применяя собственные душевные силы, – слишком подозрительно. Неправдоподобно. И небезопасно для экономики страны, в которой народ поглощает тоннами как настоящие, так и поддельные медикаменты.

В Медвянке Викентий прижился сразу. Практически. Поселок состоял из четырех дюжин изб и шести двухэтажных каменных бараков, выстроенных то ли пленными финнами, то ли немцами. Улица, на которой стояли бараки, гордо именовалась проспектом Авиаторов, хотя к авиации смиренная Медвянка имела приблизительно такое же отношение, как педиатрия к теории происхождения черных дыр. Барачная архитектурная прелесть проспекта Авиаторов мило разнообразилась полосатыми палатками с мелочным товаром, начиная от вечно подмерзших бананов и заканчивая дамским бельем. Завершался проспект некой скульптурной группой, долженствующей изображать революционный прорыв пролетариата в Светлое Будущее. Однако теперь, в осиянной капитализмом России, эти гипсовые фигуры рабочего, колхозницы и безбашенного революционного матроса только и делали, что мрачно пялились на прохожих, изображая лицами классовую ненависть. Дополнительную жуть статуям придавала серебряная краска – вроде той, которой красят оградки на могилах. Этой краской, за неимением лучшего, статуи освежили к прошлогодним майским торжествам. И теперь три тускло-серебряных верзилы возвышались на потрескавшемся гранитном постаменте, напоминая Мор, Чуму и Глад...

Улицы, застроенные деревянными домами, были не в пример симпатичнее и уютнее. Во-первых, у каждого дома здесь имелся свой сад или хотя бы палисадник, и весной из-за покосившихся низеньких заборов выплескивались на улицы волны цветущих вишен, слив и сирени. Во-вторых, наличники и карнизы здешних избышек были вычурно-резными, ажурными, как вологодские кружева, неповторимыми, как узор снежинки. И хотя от времени эта красота потемнела, поскромнела, любоваться на нее было куда приятнее, чем на какой-нибудь стеклопакетный модерн. А у калиток, лепясь к заборам, стояли лавочки, пенечки, на которых в погожие дни любило посудачить-погреть кости местное немолодое население... И в-третьих...

Нет, это трудно передать словами. Просто однажды, когда Викентий только приехал в Медвянку, пришлось ему как-то забрести в эту посконно-кондовую романтику. Он шел по тихой узенькой улочке, минуя заросшие порыжелой травой канавки (была ранняя нежная осень), рассеянно вдыхал воздух, пахнувший прелью и особенным осенним дымком с огородов, где хозяйки жгли сухую картофельную ботву. Оглядывал домики взглядом человека с растерзанным сердцем, тоскуя оттого, что для него не существует больше дома, потому что нет рядом любимой женщины, как вдруг... тоска растаяла. Исчезла бесследно.

Викентий в тот момент застыл изваянием посреди улицы, задышал так, что груди стало немного больно, и увидел, что мир стал иным. Приземистые дома с изъеденными временем стенами и кривыми заборами перестали казаться Викентию убогой декорацией к его жизненной драме. У каждого из них появилось лицо, характер и судьба. А еще – особенное благодатное тепло, какого не найти в промышленных мегаполисах или в самодовольных каменных столицах. От этого ощущения тепла, покоя, защищенности где-то глубоко в сердце возникала светлая печаль и горячими струйками подбиралась к глазам. Викентий в тот миг понял, что так страдал он вовсе не оттого, что его оставила Элпфис, а оттого, что он не мог простить ей этого ухода. И тогда он простил ее – перед неброскими добрыми лицами деревянных домов. И пожелал ей счастья – от всей души, что вдруг в нем ожила.

Вернувшись тогда в свой собственный дом, Викентий ничего не сказал Розамунде, но она сама пронизательно заметила:

– Похоже, с кризисом ты покончил. Поздравляю. Наконец-то у тебя глаза живого человека, а не тусклые стеклянные бусины.

...Тут самое время рассказать о том, кто же такая эта таинственная Розамунда и как она оказалась в непосредственной близости от нашего героя.

С Розамундой Викентий познакомился еще в Москве – в тот жуткий период, когда метался по всей столице, разыскивая Элпфис. Он ведь искал ее не только среди людей. Он добился аудиенции у Мастера московских вампиров, снесся с принцем Поющего Народа (и долго потом себя за это ругал – толку от эльфов оказалось никакого, а утешительных песен и лирических баллад они ему напели столько, что с тех пор Викентий решил слушать только классический тяжелый рок). Не постеснялся побеспокоить даже обитающих на Донском и Новодевичьем кладбищах духов – так, на всякий случай. Получил информацию от Московской управы драконов... И только оборотни прояснили ситуацию.

Викентий тогда имел серьезный мужской разговор с генералом Базальтом (да, да, повысили бывшего служаку-полковника, учли его заслуги перед паранормальным Отечеством). Базальт строго, немногословно, по-мужски посоветовал Викентию оставить Элпфис и ее нового друга в покое: разбитого, мол, не склеишь. И как раз в момент, когда Викентий горячо доказывал Базальту, что склеить можно, в кабинет генерала-бизона неизящно вкатился пушистый комок черного меха.

– Роза, чего тебе? – нелюбезно обратился к комку генерал Базальт.

А комок бойко вспрыгнул на свободное кресло и при ближайшем рассмотрении оказался чрезвычайно симпатичным кроликом.

– Мон женераль, – ледяным голоском заявил кролик, – я настаиваю на том, чтобы вы и вся ваша команда обращались ко мне, употребляя полную и правильную форму моего имени!

Генерал хмыкнул:

– Ну, извини, Розамунда.

– И на «вы»! – Длинноухая крольчиха Розамунда оказалась непреклонной штучкой. – Что это за фамильярности!

Генерал Базальт двинул тяжелой челюстью:

– Как угодно. Так чем могу служить вам, Розамунда? И почему вы ко мне без доклада? У меня приватный разговор!

Розамунда нетерпеливо переступила в кресле передними лапками:

– А я к вам, мон женераль, именно по поводу данного разговора и явилась. Кстати, здравствуйте, господин Вересаев. Что вы смотрите на меня разинув рот? И перестаньте пучить глаза, это неприлично, я могу подумать, что у вас в отношении меня имеются недвусмысленные намерения.

– Кхм, – нашелся Вересаев. – Н-никоим образом.

– Мон женераль, – обратилась меж тем суровая крольчиха к Базальту, – я прошу вас отпустить меня в бессрочный отпуск.

– А на каком основании? – сразу подтянулся Базальт. – Кроме того, у нас на носу прием новобранцев, а брать в штат нового врача...

– Вы – врач? – бестактно вторгся в разговор Викентий, взирая на крольчиху.

– Да, – отмахнулась она. – Диплом военно-медицинской академии, специальность – психотерапия стрессовых ситуаций. Но это не важно.

– На каком основании? – повторил Базальт.

– Я хочу помочь коллеге, – указала лапкой на Викентия крольчиха. – У него затянувшийся стресс, он перестал вести конструктивное существование. Я помогу ему справиться с проблемой и найти силы для новой жизни.

– А-а, – прояснился лицом Базальт. – Тогда вопросов нет. Но официальное заявление на отпуск подать мне незамедлительно. Если у меня каждый сотрудник примется уходить в отпуск или увольняться без должного канцелярского оформления, будет не Штаб, а кооператив «Печки-лавочки».

– Не вижу разницы, – пробормотала крольчиха себе под носик так, чтоб услышал это только Викентий.

– Спасибо, конечно, за заботу, коллега, – сказал Вересаев крольчихе. – Но я со своей жизнью разберусь самостоятельно. Без посторонней помощи.

И тут Викентия удивил генерал Базальт.

– Не отказывайся! – строго сказал он. – Роза, то есть Розамунда – прекрасный специалист. Лучше общайся с нею, вместо того чтобы... Чтобы...

– Бежать за ушедшим поездом, – услужливо подсказала Розамунда.

...Розамунда оказалась существом настырным. Поначалу Викентий не чаял, как от нее отвяжаться, а потом, когда узнал в подробностях Розамундину историю жизни, смирился и даже проникся к пушистой коллеге глубоким сочувствием. У него-то проблема вполне житейская, а вот у Розамунды...

Розамунда действительно была дипломированным медиком. Но этому странному созданию повезло возникнуть в расе морферов. Кто такие морферы, Викентий так до конца и не постиг, не до того ему было в то время. Но из путаных объяснений генерала Базальта он усвоил, что морферы – предначальная сущность, давшая миру оборотней, вампиров и даже призраков, потому что главным признаком морфера являлся материальный разум, сам себя создающий и изменяющий. И ничто не мешало морферу подстроиться под мифологию более простых существ – людей и выглядеть как вампир. Или оборотень. От Базальта же Викентий узнал, что

беспримесных морферов практически на земле не осталось, в основном это полукровки, возникшие в результате морфер-человеческих связей. Розамунда была по своему происхождению на три четверти человеком, а всю оставшуюся часть ДНК занимал в ней морфер, а это, как выяснилось, сильно осложняло существование молодой женщины в расцвете красоты и интеллекта. Базальт также говорил, что в силу каких-то своих загадочных причин беспримесные морферы в человеческом варианте своего существования принимают только мужской облик. Тогда как Розамунда – она и есть Розамунда. Однажды произошла какая-то драматическая история, в результате которой у Розамунды, по ее выражению, необратимо исказилась схема морфинга. На момент искажения Розамунда находилась в оболочке кролика. И очень быстро поняла, что с этой оболочкой ей не придется расстаться еще очень долгое время. Возможно, вообще никогда.

Однако Розамунда обладала воистину нечеловеческой волей к жизни и не желала подчиняться обстоятельствам. Она помимо медицины всерьез увлекалась древнекитайской наукой правильной жизни, и ее девизом было «Стремление к совершенству». Розамунда отнюдь не пала духом. Даже рассудила, что постоянное пребывание в кроличьем обличье сулит ей массу преимуществ. Фигура всегда в норме, потому что питание исключительно вегетарианское. Скорость передвижения, маневренность и способность к маскировке гораздо выше, чем у человека, не говоря уже о зрении и обонянии. И потом, кролики – это не только ценный мех. Они, в отличие от мужчин, столь неутомимы...

Была проблема с хищниками, но и тут Розамунда оказалась на высоте. Ее страсть ко всему китайскому касалась и боевых искусств, а кролик, знающий стиль Плывущей Обезьяны или Танцующего Дракона, способен держать на почтительном расстоянии даже взбесившегося ягуара. Хотя, разумеется, в Москве хищников особо и не было, пара-тройка мастифов, случайно встреченных в парке, – не в счет.

Кроме того, оставаясь внешне кроликом, Розамунда была отличным военным медиком. Во всяком случае, в диагностике болезней ей не было равных. Поэтому Розамунда не осталась без работы – генерал Базальт предоставил ей отличную возможность реализовывать свои профессиональные амбиции, не выпрыгивая из пушистой шкурки.

Теперь же Розамунда очень обрадовалась возможности переехать вместе с Вересаевым в провинциальную глушь. Откуда она узнала о Викентии? Ну, в то время о нем мало кто не знал, потому что Викентий где только Элпфис не разыскивал и кому только о своем горе не рассказывал... Ему она заявила, что будет собирать материал для серьезного труда по психиатрии, но Вересаев подозревал, что в Москве просто кончились кролики, способные хоть как-то заинтересовать его пушистую знакомицу.

Итак, вдвоем они обосновались в старом доме. Разумеется, соседи не знали, что черная крольчиха, разгуливающая по саду доктора Вересаева, – морфер типа «оборотень», не прошедший возвратной трансформации. А то, что Викентий иногда вполголоса беседовал с крольчихой, относили на счет чудачеств одинокого человека, лишенного нормального общества. Ему, поди, так психи в больничке надоели, что с крольчихой пообщаться – и то в радость!

...Сегодня Викентию повезло – на работу во вторую смену, так что с утра можно без суеты приготовить себе кофе, потом, вооружившись деревянной лопатой, он будет расчищать от снега доставшийся вместе с домом старый яблоневый сад. Ничего выдающегося, конечно, день ничем не лучше и ничем не хуже остальных своих двадцатичетырехчасовых собратьев... Но душа, к счастью, перестала вести бессвязный, ненужный, постоянный внутренний диалог с Элпфис. Перестала задавать пустоте вопросы вроде «Как ты могла?».

И это хорошо.

Викентий выпил кофе без видимого удовольствия. Он вообще предпочитал чай, но чай в его сознании тоже прочно ассоциировался с Элпфис. Глупо, конечно, по-мальчишески – отказываться от каких-либо жизненных мелочей лишь потому, что этими мелочами пользовалась

бросившая тебя женщина. Но Вересаеву не перед кем теперь было выставить себя рассудительным умником. Разве что перед пациентами... Но Лизе Тормес, восемнадцатилетней наркоманке с почти разложившимися мозгами, без разницы, что пьет по утрам ее лечащий врач и какие душевные страдания испытывает. У Лизы Тормес своих страданий столько, что ни одному Достоевскому не под силу описать. И Игорю Лопаткову, приличному человеку, отягощенному астеническим психозом, измученному клиническим чувством вины перед всем человечеством, тоже наплевать на то, какую вину испытывает его «док Викентий» перед бросившей его женщиной.

...Деревянная лопата легко, с едва слышным суховатым шорохом, входила в слоистые пласты снега. Покуда Викентий был столичным жителем, он и не предполагал, что в природе может быть столько снега, что воздух зимы окажется не серым, мертвым и отравленным кашлем автомобилей на Рублевском шоссе, а сладким и пронзительным, словно ледяное шампанское.

Рядом скакала Розамунда – радовалась приятной погоде и чистейшему снегу.

– Улыбнитесь мне, коллега, – сказала она Викентию, отряхиваясь от набившегося в ее шерстку снега так, словно была не кроликом, а по меньшей мере высококачественным песком. – И сделайте глупое лицо, какое бывает у всех людей, когда они разговаривают с младенцами и животными. Потому что за нами следят.

– Кто? – изумился Викентий. Он настолько привык к своему житию отшельника, что даже не сразу смог представить, что за забором его жилища или за дверью его клиники могут быть живые, мечтающие, радующиеся или скорбящие люди.

– Насколько я знаю, это ваша соседка справа, – ответствовала Розамунда. – Вон двухэтажный бревенчатый дом видите? Она там живет. С мужем, собакой по кличке Морис и двумя ручными крысами Тони и Кити. А ее зовут Нина Валентиновна Первова.

– Розамунда, откуда у тебя такие сведения? Ты занимаешься шпионажем?

– В отличие от вас, дорогой коллега, я больше общаюсь с окружающими. – Иногда в Розамунде просыпалось непреодолимое желание говорить Викентию «вы» и не проходило до тех пор, пока ей не надоедало играть в чопорность. – Тем более если эти окружающие находятся всего-навсего по ту сторону забора.

– Мне интересно, с кем именно ты имела удовольствие пообщаться, – пробормотал Викентий. – С псом Морисом или с крысами... Кстати, ты не сказала, как зовут любезного супруга госпожи Первой.

– Олег Андреевич, – немедленно отозвалась Розамунда. – И, между нами, он порядочная скотина!

– Надеюсь, Нина Валентиновна наблюдает за мной не потому, что жаждет с моей помощью избавиться от мужа? – хмыкнул Викентий. – Я не большой мастер осчастливливать женщин.

– Дурачок, – неласково ответила Розамунда. – Приготовься, сейчас она с тобой поздоровается.

– Я просто умру от такого непосильного счастья, – мрачно пообещал Викентий.

– Здравствуйте, доктор!

Викентия передернуло. Такой вариант приветствия он ненавидел всеми силами своей измученной души. Но, как истинный психиатр, он сумел натянуть на лицо дежурную улыбку и ответить:

– А, добрый день, м-м, Нина Валентиновна! Хорошая погода, верно?

– Болван, – прошипела Розамунда откуда-то снизу. – Кроме погоды, больше тем для разговора нет?!

Нина Валентиновна вплотную подошла к трухлявому, редкозубому забору, коснулась темной доски рукой в яркой варежке. Сказала:

– Да, ничего погода... Доктор...

– Можно просто Викентий.

– Тогда я – просто Нина. Я не настолько стара...

«Так. Чего ей от меня надо? Она неосознанно сделала жест робкого и одинокого человека плюс употребила искательную формулу женского кокетства: мол, сделай мне комплимент, я ведь так и напрашиваюсь... Обойдешься, милочка. Для комплиментов у тебя муж есть».

И Викентий мстительно сказал:

– Чем могу служить?

Неожиданно ему понравилось, как она смутилась и растерялась. Все они, женщины, царицы жизни, такие. Думают, игра будет вестись только по их правилам. С ними нельзя допускать ни грана слабости. Только жесткая дистанция. Сразу поставить на место.

– Да я, собственно... Ни за чем...

Он продолжал внимательно смотреть на нее. Жалкая улыбка не тронутых помадой губ. Блеклые глаза с темными полукружьями вспухших век. Скорее всего, она плакала. Муж? Или ручные крысы взбунтовались и искушали свою хозяйку?

– Так в чем же дело? – Викентий сам удивился тому, что задает этот вопрос. Проблемы невзрачной Нины Валентиновны были ему так же близки и важны, как нынешнее состояние дел на Юпитере. Скорее всего, выиграло профессиональное любопытство. Викентий вдруг понял, что заключает сам с собой пари: Нина будет жаловаться на мужа или на отсутствие зарплаты? Или все-таки виноваты крысы?

– Вы действительно потрясающий специалист, – мимолетно улыбнулась Нина Валентиновна, но Викентий не купился на такую мелкую лесть. – От вас ничего не скрыть. Но я даже не знаю, как вам это объяснить...

– Что «это»? – переспросил Викентий, мельком глянув вниз: крольчиха пристроилась у самых его валенок и напряженно слушала весь диалог.

– Понимаете, мой муж...

«Поздравляю вас, док. Проблема – все-таки муж».

– Он говорит, что я... – Слова явно давались Нине с превеликим трудом, словно она не говорила, а глотала камешки. – Что я лунатик. Настоящий лунатик.

«О как».

Викентий вдруг заметил, как по щеке его предполагаемо сомнамбулической собеседницы течет крупная слеза.

– Подробнее вы можете мне все рассказать? – отрывисто бросил он.

– Я, да... Я расскажу, – заторопилась соседка. – Только сначала скажите мне, доктор, лунатизм лечится?

– Если рассматривать его как побочное проявление помрачения сознания – то да, лечится.

Снова вымученная улыбка.

– Хорошо... Значит, у меня есть надежда.

Может, у Нины и была надежда, но вот у Викентия она пропала в этот же миг. Надежда на то, что он ближайшие часы проведет спокойно и самодостаточно, испарилась в снеговом небе...

– Может быть, вы запишетесь ко мне на прием в клинику? – тоскливо спросил он, еще надеясь, что Нина согласится и хоть ненадолго, да отвяжется. – Сегодня я во вторую смену. Я вас приму...

– Доктор, можно не в клинике? – В глазах Нины метнулся настоящий страх и еще стыд. – Муж говорит, это клеймо на всю жизнь – я и психи... Но я ведь не... Не такая! Я ведь нормальная, да?

«Скажите пожалуйста, какой у нас муж авторитетный!»

– Пожалуйста, доктор, то есть Викентий, можно мне сейчас поговорить с вами... У вас дома?

– Я бы подумала, что она к тебе клеится, если б не этот тон, – пробормотала Розамунда. – Она и впрямь безумно напугана. Веди ее в дом.

Но Викентий не хотел вот так легко сдаваться. Что ему до проблем какой-то лунатички! Его – когда он умирал от тоски – не, спасал никто. Так почему он...

– Викентий, а вы не знаете, в Африке действительно есть такое племя – вубути? – спросила Нина.

– Вубути, – автоматически поправил он и только потом вздрогнул и новым взглядом посмотрел на свою предполагаемую пациентку.

– Да, наверное, – кивнула Нина. – Вубути. Только там есть один русский. Его зовут Степан. Ему грозит опасность. И это как-то связано с крокодилами...

Викентий окаменел, уронив в снег лопату.

– Спроси ее, что она будет пить, и веди в дом, – распорядилась крольчиха Розамунда.

Глава третья. Москвич на пальме

Экзотика южных краев – это на любителя!
Робинзон Крузо

Из рукописи С. Водоглазова «Русский в джунглях»:

«– А чего тебе еще надо, белокожий господин? – надменно осведомился у меня Тонтон Макут.

Тонтон Макут – маргинальный тип. Надменный до треска в шейных позвонках, хитрый, как целый турецкий базар, и непредсказуемый, как курс гривны. К тому же Тонтон является главным колдуном племени, а это, поверьте, сильно напрягает, когда с ним общаешься в режиме реального созерцания его коричневой физиономии в миллиметре от твоего собственного лица. От него все время пахнет, как от комбината по утилизации товаров бытовой химии. Но попробуй этим возмутиться! Ему, Тонтону, тебя в жабу превратить и потом на этой жабе сделать свою фирменную настойку – просто как два пальца об лиану разбить. И кстати, Тонтон Макут – единственный в племени, кто относится ко мне без должного почтения. Вообще без почтения! А ведь я как-никак исполняющий обязанности здешнего царя!

Однако предвижу ваш недоуменный вопрос!

Кто я такой и как меня угораздило здесь оказаться?

Ну, я из этого секретов не делаю. Хотя мои записки я пишу вовсе не для того, чтоб потом какой-нибудь предприимчивый парнишка с синдромом хронического менеджера на основании моих скромных трудов наваял учебничек типа «Как добиться успеха, когда кругом сплошные дикари». Во-первых, вибути – не дикари, а во-вторых...

Но все по порядку. Как говорит жрец Окойи, «сначала сплети сеть, а потом хвались уловом».

Зовут меня Степан Водоглазов. По национальности москвич. По характеру... тоже москвич. Возраст и внешность особой актуальности не имеют, потому как я не брачное объявление стряпаю, а суровую повесть собственной экзотической жизни. До того, как оказаться в государстве-племени Вибути, я вел смиренное столичное существование, подвизаясь на разных поприщах. Одним из последних поприщ было создание новых версий переводов к знаменитым голливудским киношедеврам. Несolidная работенка, но зато и без лишней нервозности. Но когда заварились вся эта вермишель с Викентием...

Предвижу и то, что вам имя Викентий Вересаев незнакомо. Как, знакомо? А, это совсем не тот Викентий Вересаев. Тот, про которого думаете вы, – классик русской литературы с крепким критическим реализмом. А тот, про кого говорю я, к литературе не имеет ни малейшего отношения. Он мой друг и дипломированный маг. Точнее, это я придумал, чтобы Кешаня стал дипломированным магом, потому как жить на зарплату врача районной поликлиники – себя не уважать и друга раздражать. Открыл Кешаня магический салон, стал будущее предсказывать, венцы безбрачия снимать, порчу ликвидировать, кармы чистить, купоны стричь... И, надо сказать, у него неплохо получалось. До того момента, как к нему явилась та брутальная деваха Надежда Абрикосова.

Искусством пудрить мужикам мозги Надежда Абрикосова владела в совершенстве, и Викентий пал первой жертвой ее высокостервозности. Я, можно сказать, тоже пал. Потому и в Африке оказался...

Так вот. У Надежды была коварная программа-минимум: при помощи моего деликатного друга расправиться с Царем Непопираемой земли Алулу Оа Вамбонга и самолично в этой земле прописаться со всеми удобствами. Но я ли не герой! Я ли не борец со злом во всех его самых симпатичных проявлениях! Я встал на черном пути Надежды Абрикосовой, как Тула на

пути танков Гудериана! Викентий тоже, конечно, приложил руку к освобождению мира от все-ленского зла, сосредоточенного в коварной Наденьке, но мне, без ложной скромности скажу, выпала более ответственная роль. Я спасал Его Царское Величество Алулу Оа Вамбонга, дабы не свершились коварные замыслы подлой мадам Абрикосовой, – спасал за счет собственной молодости и здоровья! Но Алулу – благородный Царь, с хорошо развитым чувством благодарности. Потому мне, как своему персональному спасителю, Алулу предложил заманчивое путешествие на его родину. И из технократической Москвы я перебрался на жительство в самые глухие африканские джунгли. Можно сказать, на пальму влез и завис в приятном обществе фиников, бананов и прочих сладких калорийных удовольствий...

Хотя вообще-то я сильно сомневаюсь в том, что упомянутые мной джунгли – именно африканские. Вопрос вам на сообразительность, дорогие знатоки: водятся ли в Африке огнеперые фениксы? Огнеперый феникс – это такая, с позволения сказать, птица, у которой вместо перьев... Правильно, огонь. Вблизи такая птишка напоминает шаровую молнию, которой сделали химическую завивку. Я, когда в первый раз феникса увидел, думал – скончаюсь от разрыва сердца, а потом ничего – пообвыкся. Тем более что огонь фениксов никого не обжигает... Да, так вот! Повторяю вопрос: водятся ли в Африке фениксы? Нормальный ответ: фениксов вообще не бывает. Правильный ответ: бывает, и еще как! Но только не в Африке!

Потом в здешних местах еще имеются глубоководные бегемоты... Тоже, доложу вам, преоригинальные монстры! Живут на дне самых глубоких озер, выходят на охоту только по ночам, добычу убивают, посылая мощные электрические разряды! Каково?

А сухопутный крокодил-плакальщик?! Это такая нудная скотина: привяжется к тебе, будет путаться под ногами, жаловаться на жизнь и рыдать, хлюпая вечно мокрым носом. Единственный способ успокоить крокодила-плакальщика и заодно отвязаться от него – подарить ему корзинку или хотя бы пакет полиэтиленовый. Тогда крокодил сразу принимается набивать эту тару всякой лабудой, которую подберет с земли... Зачем ему это – совершенно неясно, хотя я подозреваю, что повинен в том обычный безусловный рефлекс. Или динамический стереотип. Когда наши русские бобры строят хатки – это ведь стереотип? Ну а здешний крокодил предпочитает таскаться с корзинкой. Но ведь на всех крокодилов корзинок не напасешься! Да и выслушивать крокодилы бессвязные жалобы – на это даже у Николая Николаича Дроздова терпения не хватило бы!

Но самое противное животное здешних мест – жираф изысканный бродящий. Внешне он выглядит даже симпатичным: стройный такой, расцветка приятная. Но если тебе не повезет оказаться в том месте, где он бродит... Зажимает в угол между пальмами и начинает пытаться вопросами: «А скажите, правда ли, что мне дана грациозная стройность и нега? А что лично вам напоминает пятнистый узор, украшающий мою шкуру? Согласны ли вы с тем, что вдали я подобен цветным парусам корабля?» Причем отвечать надо в стихотворной форме, иначе изысканный жираф может поступить с тобой совсем неизысканно – отпинает так, что мало не покажется. Одно хорошо: на закате все изысканные жирафы прячутся по специальным мраморным гротам.

Я ведь для чего посвятил вас в особенности местной фауны? Правильно, именно для того, чтобы вы поняли: это не Африка! То есть не та Африка, к которой мы привыкли! Такой Африки не бывает! Здесь нет голодных изможденных детей, лютых хищников, грязных колодцев со смертельно опасной водой, ядовитых мух, иссушающих ветров и убийственной нищеты! Конечно, когда я оказался в государстве-племени Вибути, меня неприятно поразило отсутствие компьютеров, мобильной связи, телевидения, пива и бильярда. Но зато какие тут пальмы! А цветы! А фрукты! А женщины! А бриллианты! Может, местечко, в котором я оказался, и есть потерянный рай человечества? Что ж, вполне приличная версия.

Но все по порядку. Что это я все о местной флоре да о фауне!

Итак, перед вами государство-племя (именно такая вот формулировка!) Вибути. Его географическое положение до сих пор представляет для меня и прочих редких туристов большую загадку. Государство Вибути расположено в так называемой Тайной Африке, у которой есть не только своя собственная карта, но даже и глобус. Глобус, правда, маленький. И секретный.

На севере государство-племя Вибути граничит с относительно мирными небольшими государствами-племенами Сото (республиканская монархия) и Мошешобо (монархическая республика). К востоку от Вибути расположены Великие горы, за которыми находится территория Непопираемой земли, также принадлежащая Вибути. Пока принадлежащая. Чую я, немало нашлось бы охотников эту Непопираемую землю у вибутян оттяпать, но Царь Алулу бдит за собственным достоянием. На западе Вибути граничит с маленькими племенами, которые до статуса государств чуток недотянули: это племя женщин-людоедов уваке и племя охотников за редким жемчугом тка-тка. Племена эти живут очень скрытно, враждебно относятся ко всяким попыткам выйти на контакт, поэтому вибутяне просто отгородились от этих племен высоким железным забором и называют жителей уваке и тка-тка «людьми дикого запада». Юг государства Вибути весь сплошь зарос совершенно непроходимыми и опасными джунглями. Ни один вибутянин, буде он в здравом уме и твердой памяти, и близко к тем местам не подойдет. А если и окажется в племени психопат, что возомнит себя новым Магелланом или там Колумбом, и ринется напролом сквозь эти джунгли, обратно с победой ему все равно не вернуться. Потому что за джунглями (как говорят здешние старожилы) есть страшные Живые Озера, и вот от них уже точно нет никакого спасения. Лично я полагаю, что опасность южных джунглей и пресловутых Живых Озер сильно преувеличена. Просто вибутянам в силу их мирного характера лень лезть на рожон неизвестности. Вот и придумали пугающую сказочку...

Сколько квадратных километров занимает Вибути, точно не считал. Но не меньше четырехсот тысяч. Есть где вырастить кокосы, хлебное дерево и серебряные пальмы.

Официальная столица государства Вибути – город Бандат, в нем же находится официальная резиденция Царя Алулу Оа Вамбонга (а неофициальная резиденция Алулу находится, если вы еще не поняли, в Непопираемой земле). Бандат состоит из нескольких сотен разновеликих хижин и целиком сосредоточен в пальмовых зарослях, как перья в слежавшейся подушке. Крупнейшие города государства: Тунету (триста девяносто хижин, полторы тысячи человек, двести два зомби) и Натугу (триста девяносто четыре хижины, полторы тысячи зомби, сто три человека и десять жертвенных коз). Тунету считается культурным центром государства Вибути, потому что там живут семьи лучших гончаров, кузнецов и плетельщиков тростниковых циновок. А Натугу – в прямом смысле город мертвых, ибо там селятся поднятые (на добровольной основе) из могил мертвецы, которые не хотят без дела разлагаться в местной плодородной почве, а предпочитают отдавать себя общественно полезному труду. Также в Натугу живут специальные колдуны-аниматоры, собственно и занимающиеся подыманием покойников из могил. У вибути это дело прочно поставлено. Каждый вибутянин еще при жизни составляет завещание, в котором указывает, желает ли он после смерти быть возставленным и продолжать трудиться на благо племени. Все законно. Против воли аниматор никого тут не подымет, хотя, конечно, бывают и исключения... Но об этом надо отдельно рассказывать. Я лучше про местную географию продолжу. На востоке от Бандата имеется провинция Пурупай. Ничего примечательного – опять-таки масса хижин и банановые плантации. На севере – деревня Мазизи. Эта деревня возникла сама собой вокруг солидной кимберлитовой трубки, набитой алмазами, как вареная колбаса – генетически модифицированной соей. Алмазодобытчики, чтоб не терять времени на дальние переходы в центр, понастроили вокруг трубки тростниковых хибарок и весело занялись обеспечением племени сладкой жизнью.

Да, кстати, тут уж я и скажу о полезных ископаемых прекрасной страны Вибути. Алмазов, золота, серебра, платины, кобальта и меди тут просто жуть сколько. По статистике Совета Жрецов, на каждого вибутянина приходится по тонне алмазов. Это о многом говорит.

Рельеф тут преимущественно равнинный, если не считать гор на востоке; климат тропический и даже чересчур. Главные реки – Сонга, Те (священны) и Акалулу (судоходна, то есть на каноэ по ней плыть не запрещено).

Так, про животный мир я уже говорил выше...

А вот еще что!

Как я мог из виду упустить самое главное!

Государственный строй Вибути относится к религиозной монархии. Царь всея Вибути и Непопираемой земли является также и потомственным воплощенным божеством, и носителем первомировой души, и первожрецом. Однако реально Царь Вибути в основном существует только для пущей красоты и важности (и для международных связей). Настоящая власть в государстве – советская, потому что управляют вибутянской жизнью два Совета: Совет Жрецов и Совет Вечных Дев. У обоих этих Советов имеются собственные резиденции в Бандате, надо сказать, нехило обставленные. Со жрецами вам, дорогой читатель, наверняка все понятно: обеспечивают уровень благочестия, связь с богами и тому подобное. Вечные Девы – изобретение сугубо вибутянское. Всего их двенадцать, как правило, выбираются они из местной аристократии. Насколько я понял, Вечные Девы должны быть не только девственницами (это уж само собой), но и обладать способностями, о которых можно сочинять фантастические романы. Все Вечные Девы умеют читать мысли, левитировать, взглядом гнуть пальмы к земле, беседовать с флорой и фауной и становиться невидимыми по своему желанию. Условие для такого могущества только одно – абсолютное сохранение целомудрия. Думаете, это отталкивает претендентов на должность? Ничего подобного! За то время, что я тут живу, умерла одна уже глубоко древняя Вечная. Когда объявили вакансию, начались натуральные поединки – несколько десятков потрясающих девиц соревновались в паранормальных, а также боевых искусствах. Победила такая красавица, что было страшно обидно – вся эта красота растратится исключительно на карьеру, и ни один мужик не будет осчастливлен.

Хотя, как я заметил, здешних мужиков это вполне устраивает.

Здесьние мужики просто процветают по сравнению со своими европейскими братьями, хотя бы уже потому, что вибутянки не феминистки, вечно требующие подтверждения своих прав. Просто вибутяне, помимо веры в двух с лишним десятков богов и богинь, верят еще и в легенды. А многие легенды вибутян говорят о том, что женщине лучше предоставить свободу действий, отойти в сторону и понаблюдать, что будет...

Вы спросите меня, откуда я понахватался таких солидных знаний о государстве Вибути? А вот...

В первый свой год райской жизни я преимущественно больше наблюдал, учился и осваивался. И понимал, что государство Вибути расположено в совершеннейшей глуши, такой глуши, какая и не снилась самым смелым исследователям затерянных племен. Добраться до Вибути крайне сложно: у меня есть подозрение, что главный колдун Тонтон Макут просто поставил вокруг племени нечто вроде фильтра, и этот фильтр отсеивает всех ненужных любопытствующих. Правда, официальные делегации из Европы или Азии принимаются. Также невозможно добраться и до Непопираемых гор – невозможно никому, кроме самого Царя Алулу Оа Вамбонга. Дело тут даже не в хищниках, не в трудностях дороги, не в ловушках, губящих непосвященных. Похоже, на дорогу в Непопираемую землю наложено спецзаключение, благодаря которому непосвященный, сколь бы ни пытался выбраться, попадает на тропу, ведущую обратно в племя... Да, вы правильно догадались, я и был таким непосвященным – очень уж любопытство меня одолевало, хотелось выяснить раз и навсегда, в чем состоит ценность Непопираемой земли. Не удалось, и теперь Тонтон Макут смотрит на меня с каверзной усмешкой.

Но если мне не удалось попасть в Непопираемую землю, это не значит, что я вообще не смог произвести разведку местности. Как только Царь Алулу любезно из меня выселился и

вернул мне приличный товарный вид (то есть я помолодел, поздоровел, цвет лица у меня стал приятного тона «молочный шоколад»), я выпросил у него карт-бланш на свободное передвижение по окрестностям с целью их пристального изучения. Царь – человек не мелочный, для своих особой тайны из географии Вибути не делает, поэтому он с легким сердцем отпустил меня на все четыре вибутянские стороны. Правда, с проводником. Точнее, с проводницей и консультанткой, что, несомненно, было еще одной любезностью с его стороны.

Мою проводницу и консультантку звали Онене Небуду. Вообще-то ее и сейчас так зовут, но на данный момент она уже не является моей проводницей, хотя я был бы не против...

Поначалу мы с Онене изъяснялись при помощи кошмарного лингвистического и жестикующийного винегрета. Я хорошо знаю русский, прилично – английский и неприлично – немецкий. Онене говорила только на вибутянском, чирикавая и посвистывая, как шоколадная канарейка, но постепенно я выучил язык племени, а Онене стала на удивление легко пользоваться выражениями «За присутствующих здесь дам!», «All you need is love» и «Das ist fantastisch!».

Вообще, Онене – девушка, изумительная во всех отношениях. Фигура идеальная, к тому же ты имеешь возможность созерцать эту идеальность практически в первобытном виде, потому как из одежды Онене отдавала предпочтение коротеньким кожаным юбочкам и прозрачным топикам, причем, подозреваю, надевала она эти вещи исключительно для того, чтобы выглядеть рядом со мной поцивилизованнее... Глаза у нее просто как два омута, в которых потонуть – мечта всей моей жизни. Носик пикантный, губы манящие, улыбка – все голливудские красавицы удавятся от зависти! Правда, прической Онене не блистала, поскольку блистала совершенной лысиной – как она позднее мне объяснила, девушкам ее социального статуса положено брить голову. Да, Онене – девушка из самых сливочных сливок местной аристократии. А кого же еще назначать мне в проводники? Крокодила-плакальщика, что ли?

Благодаря прекрасной Онене я и стал помаленьку осваивать жизнь в племени, практически не страдая оттого, что не имею возможности посмотреть «Свободу слова» или выпить «Карлсберга» в «Зеленом погребе»...

Прежде всего Онене показала мне, чего ни в племени, ни в окружающих поселение чащах делать не следует – не только из вежливости или уважения к местным обычаям, но и из соображений собственной безопасности. В племени вся хозяйственно-экономическая деятельность сосредоточена в руках женщин. Также женщины-вибутянки занимаются охотой, воспитанием детей и созданием регулярной армии (но с этим пока сильно не продвинулись). Поэтому в племени считается верхом неприличия смотреть на женщину игриво, если она занята стиркой, приготовлением еды, охотой на норную газель, починкой хижины и кормлением ребенка. Как женщины карают за игривый взгляд – испытано на себе. Онене любезно и тактично размазала меня по пальме в первые же полчаса нашего знакомства, а потом объяснила, что быть моей проводницей – ее работа, но эта работа услуг интимного свойства не подразумевает.

Далее. В племени мне пришлось отказаться от некоторых европейских привычек. Например, вибутянке ни в коем случае нельзя задавать вопрос «Как дела?». Считается, что, если она ответит, эти ответы подслушает коварная богиня Ар, вмешается и все испортит. Вибутянке нельзя говорить, что она классно выглядит или что новая серьга у нее в носу – просто парижский шик, потому что вибутянка может подумать, что вы хотите забрать у нее лицо, серьгу вместе с носом и даже вообще всю фигуру. Да, честно, вибути верят, что словами, а также рисованием, фотографированием и видеосъемкой можно лишить их тел; лишившись же тел, они превратятся в духов пепла – кошонгри, чего, разумеется, не хочется никому.

К правилам поведения в джунглях Онене тоже приучила меня постепенно. Это благодаря ей я насобачился разбираться в местной фауне и так аккуратно обращаюсь с местной же флорой. Моя прекрасная проводница показала мне, как обходить цветы-ловушки (у них гигантские липкие бутончики: наступаешь ногой, прилипаешь, и эта дрянь тебя утягивает аж под землю

– явно не для того, чтобы просто пообщаться), как находить дорогу к Трем Водопадам, как избежать встречи с богами Забытых Храмов (и как не попасть в эти храмы – тоже)... Но это не так уж и важно. Главное – я понемногу начал привыкать к жизни в племени и мне даже стал нравиться этот осколочек цивилизации.

Ведь кто такие вибути? Неагрессивный народец, живущий в таком месте, про которое даже нельзя сказать точно, существует оно реально или нет.

А жизнь тут действительно сладкая. Все государство Вибути – это хижины, хижины, хижины, политика невмешательства и скромные запросы. Тут все имеют сравнительно скромные запросы, проводят политику невмешательства и живут в хижинах – народ, царь, жрецы, главный колдун и даже почитаемые боги. Вся разница только в материале, из которого строится хижина. Нет, ничего особенного. Например, на царскую хижину (она же дворец Оа) пошли листья медно-золотой пальмы, жрецы довольствуются продолговатыми листочками местного так называемого стального баобаба, а народ лепит жилье из тростников, по виду сильно смахивающих на алюминиевые трубки. Нет, правда! Есть что-то странное в том, как некоторая здешняя растительность напоминает продукцию металлургического комбината. Представляю, как давились бы наши магнаты за возможность вырастить на русской почве широколистную золотую пальму – и хоть у нее только листья золотые, зато ствол платиновый.

Да, вот еще что! Вы справедливо спросите: а почему меня, простого москвича Степана Водоглазова, тут считают исполняющим обязанности Царя Алулу Оа Вамбонга? Как это я сподобился такой благодати? Ну, я не так давно эти обязанности исполняю, всего-то год с небольшим. Просто Царю вдруг заблажилось уйти в отпуск – посетить Непопираемую землю, отдохнуть от своих жен-наложниц, отвлечься от государственных забот и на досуге прочитать наконец собрание сочинений Валентина Пикуля, привезенное им еще из Москвы. Вот Царь меня вызвал и говорит: «Степан, хватит тебе по пальмам лазать и таскаться за Оне, как крокодил-плакальщик! А займись-ка ты государственным делом! Я что-то подустал, засиделся на этом троне. Пойду в Непопираемую землю – там воздух чище, климат мягче и воды целебные! А то, смотри-ка, у меня три мимические морщины на лбу от такой жизни появились!» Конечно, не царское это дело – морщины на лбу разглядывать, но я ему этого не сказал. И отказываться не стал – надо Царя позамещать, сделаю. Ведь и впрямь скучновато – фрукты, женщины, жабья настойка. Совсем я перестал быть социально активным, а тут такой шанс выпадает.

Вот Алулу махнул в Непопираемую свою, а я остался. Даже втянулся, можно сказать. Ведь особенных дел у Царя нет – ну, пару-тройку внешних договоров подпишешь, к наложницам сходишь – угоститься засахаренными кокосами и травяным чаем, по вкусу напоминающим абсент... Ладно, о своем временничестве я как-нибудь еще напишу. Попозже.

Тут я выше упомянул о верованиях, потому сейчас немного расскажу о наиболее почитаемых вибутянских божествах. Между прочим, некоторых из этих богов я видел живьем и даже с ними разговаривал за чашей-другой жабьей настойки.

Верховный бог племени – Онто. Это на нем лежит вся ответственность за происхождение вибути. Онто выглядит очень дряхлым и несимпатичным: у него облезлая голова льва, туловище дракона и при этом конечности осьминога. Из-за своей внешности Онто пребывает в постоянной депрессии, обитает в персональном храме при Трех Водопадах, но приходит в хорошее расположение духа, если в его честь устраивают праздник с многочасовыми ритуальными танцами.

Вторым по значимости и почитаемости идет бог Ндунги, покровитель скотоводства, земледелия и самогонварения. Выглядит он потрясающе – толстый, веселый, вечно пьяный розовый слон с вызолоченными ушами. Когда он из запойных джунглей является в племя, начинается повальная радость, все дарят друг другу подарки, много пьют, много едят и активно улучшают демографическую ситуацию. Я выяснил, что выражение «раздача слонов» напрямую связано с культом вибутянского бога Ндунги. Неудобство состоит в том, что у Ндунги есть

сводный брат и соратник, тоже бог, именуемый Камратий. Этот небожитель является на следующий день после празднично и пьяно проведенной ночи и начинает грызть твою совесть, упрекать за бесцельно прожитые годы и больную печень. Выглядит он как мокрый и зеленый змей. Как вы догадались, в племени его не особенно-то любят и даже жертвенника ему не ставят.

Следующее серьезное лицо вибутянского пантеона – богиня всех видов интимных отношений, зовут ее Манюнюэль, что в вольном переводе с вибутянского на русский означает «заводная». Празднества в честь этой богини обычно оканчиваются Ночью Длинных Вздохов, но тут я не буду вдаваться в подробности. Скажу только одно: да, это вам не фригидная Россия! Однажды я имел удовольствие лишь побеседовать с богиней Манюнюэль, и этого было достаточно для того, чтобы понять: вибути непобедимы, когда у них есть такие богини.

И, наконец, как во всякой уважающей себя языческой религии, в верованиях вибути имеется культ злобного и вредоносного божества. У вибути роль плохого полицейского исполняет богиня Ар. Внешне она просто красавица, если не считать вечно окровавленных длинных клыков и набедренной повязки из скелета леопарда. Характер же у нее – просто фабрика пиротехники, в которую угодила молния. Богиня Ар ответственна за все крупные и мелкие пакости, хоть изредка да случающиеся даже в таком земном раю, как Вибути. Приснился члену племени плохой сон – виновата Ар. Вернулась жена с охоты без добычи – это подлая Ар помешала ей. В постель двух страстных любовников заползла ядовитая змея – подослала ее не кто иная, как хитроумная богиня! Ар никто не любит, но жертвы ей периодически приносят – в основном гнилые бананы и прокисшее кокосовое молоко. Естественно, при таком уровне почитания характер злобной богини вряд ли способен исправиться.

Так, про всяких мелких божков писать не буду, потому что сам запутаюсь, кто за что у них отвечает и с кем состоит в родстве, – тут так все сложно, что греки со своим замшелым Олимпом могут скромно жаться в уголку, вроде бедных родственников. Теперь я подхожу к самому главному. Счастливую жизнь племени обеспечивают вовсе не Советы, не жрецы, не главный колдун и уж точно не Царь Непопираемой земли. И даже не все многочисленные боги-богини, если уж на то пошло. Дождь и ведро, посевы и урожаи, добыча и достаток, любовь и дети, удача и здоровье вибути зависят напрямую только от одного – Великой Милости Белой Птицы.

...Эту-то Птицу я и увидел в тот день, когда в иссушенные долгой засухой джунгли наконец пришел дождь. Мне тогда пришлось тащиться в паланкине вместе с целой вибутянской демонстрацией – жрецами, Вечными Девами, Тонтоном Макутом и сводным вибутянским оркестром – до реки Сонги, которая является первой преградой на пути в Непопираемую землю. На этой реке, по поверьям племени, произошло первое свидание Белой Птицы с первым представителем вибути...

Вообще, нынешняя церемония встречи была обставлена красиво, но несколько громоздко. Конечно, то, что жрецы вибути умеют ходить по водам как по паркету, удивительно, но за годы, проведенные в племени, я навидался и не такого. А потом этот свет, который ярче солнца, бешеный и в то же время тихий свет, ослепляющий не только глаза, но и всего тебя... Было жутко. Спасибо барабанщику Нтути – это он милосердно закрыл мне глаза своей шершавой ладонью. Обидно только, что я не видел, как Белая Птица приземлилась, как она выглядит вблизи! Столько разговоров, столько предвкушения, а в результате ты у порога чуда зажимаешь глаза и открываешь их снова лишь для того, чтобы посмотреть ушедшему чуду вслед.

В общем, когда мне глаза открыли, чудо кончилось – Птица улетела, оставивши в немощих ручках старшего жреца невеликую корзинку.

«Ничего себе! – подумал я. – Это и есть ваша прекрасная Удача? Не слишком уж она глобальна, ежели помещается в такой скромной упаковке!» И откровенно высказался по этому поводу. А тут Тонтон Макут и облей меня в очередной раз презрением: чего ж, мол, тебе еще надо, меркантильная европейская морда?

– Да ничего-с, – говорю. – Любопытственно поглядеть, кто это там агукает в этой корзинке. Уж это наверняка мне позволено как заместителю Царя. Алулу Оа Вамбонга, да воссияет он и да потопчет!

– Что ж, чужеземец, – отвечает Тонтон Макут, – славь великого Алулу за то, что он сподобил тебя этакой благодати и разрешил стать своим в племени. Иного на твоём месте мы просто испепелили бы за одно лишь присутствие!

– Спасибоочки, – говорю, – нашему преславному Алулу за его доброе ко мне отношение, да воссияет он и да потопчет, только давайте не будем отвлекаться и поглядим, кто же это там в корзиночке так жалостливо скулит.

На те мои слова Тонтон Макут до чрезвычайности ликом искривился, так что некоторым ребятам из сводного вибутянского оркестра смотреть на него стало тошнотворно. Но у меня нерв крепкий, что буксирный трос, потому я на колдунов лик глянул спокойно, а после недрогнувшей рукой отогнул в сторону белый лепесток пеленки, которым содержимое пресловутой корзинки было интимненько прикрыто.

...В общем, ничего особенного. Младенчик и младенчик – голенький, смугленький, лапками сучит, пищит и жалобно глазки жмурит. И – женского полу младенчик, так что даже непонятно, из-за чего все перед нею так воздух сотрясают. В таком невнятном возрасте вовсе непонятно, красотка это будет или дурнушка, а сейчас лицо у нее больше на печеное яблоко похоже, да и тельце, прямо скажем, не восхитительного варианта. Одна только мелочь меня по глазам царапнула, но я как-то значения поначалу этому не придал: у корзиночной девицы на месте пупка ничего не наблюдалось – голый ровный животик. Потом-то я понял, что именно отсутствие пупка означает, но в тот момент меня не это волновало...

– Люди, – говорю, – это что, и есть столь долго ожидаемая вами Великая Милость Белой Птицы? Это вот мелкосопливое чадо?!

– Загради свои уста, нечестивец! – заплескал на меня руками жрец Окойи. – Это тебе не просто чадо! Это Государственная Девственница!

Нет, у этих вибути на девственниц прямо какой-то пунтик!

– Опаньки! – восхищаюсь. – Мало вам разве двенадцати абсолютно непорочных девиц? Еще одна понадобилась?

На этот вопрос они мне тогда не ответили. Обратно свою Государственную (а та уже, похоже, подстилку намочить успела) пеленочкой прикрыли, по сторонам зыркнули, словно опасались, как бы кто это сокровище не спер вместе с корзинкой, и снялись с места – в обратный путь до поселения.

В селении нашу компанию уже поджидали... На всех хижинах развевались государственные флаги вибути: белое перо на зелено-золотом фоне; на круглой утопанной поляне, гордо именуемой тут главной площадью, всю отплясывали самородки местного кордебалета – в пышных юбочках из пальмовых листьев, с фонтанами ярких перьев на голове. Около хижины-дворца маршировала показательная женская гвардия: по случаю торжества детвору выпустили из хижины-школы, и теперь эта детвора при помощи своих домашних любимцев – слонов протягивала над племенем цветочные гирлянды, веревки с пестрыми флажками и слюдяные фонарики со свечками внутри – вечером будет иллюминация. Община магов-огнепоклонников запускала пробный фейерверк, значит, вечером к иллюминации добавятся и огненные потехи, как будто это не затерянное африканское племя, а распрекрасный толкиеновский Шир... Словом, торжество на высшем уровне! Когда в прошлом году к Алулу с официальным визитом приезжал какой-то раджа Рамбугупта, и то не было такого пышного приема, накормили раджу жареными кузнечиками, настойкой жабыей напоили и восвояси отправили. А тут на тебе...

Навстречу нашей кавалькаде вышла почтенная госпожа Агати-Бобо. Это крепкая мрачная старуха под два метра ростом, с седыми косичками на черной голове, в неизменной алой простыне, заменяющей приличное европейское платье, и с кулоном в виде стильного золотого

паука. Насколько я знаю, Агати-Бобо уже много лет занимает должность царственной няньки и воспитательницы. Госпожу Агати-Бобо побаивается все племя, даже колдун Тонтон Макут обходится с нею вежливо, а уж про Царя Алулу и говорить нечего, потому что он и сам был выпестован жесткими широкими ладонями Агати-Бобо и выпущен ею в благословенный окружающий мир.

Мне доселе с Агати-Бобо напрямую пересекаться не приходилось, потому я тоже перед нею слегка заробел. А вы бы не заробели? Знаете, какие глаза у этой старухи?! На угольно-черном лице они сверкают прямо как два чистейших сапфира! Такие глаза для вибути – редкость, в племени говорят даже, что Агати-Бобо эти глаза получила от бога Онто взамен своих обычных, потому что так лучше у нее получится надзирать за вверенными ее попечению чадами.

Перед Агати-Бобо все расступились. Корзинку с попискивающим внутри чадом водрузили на некое подобие церковного престола (а я-то еще вчера задумывался, зачем посреди площади возводят это нелепое сооружение и обильно украшают его цветами...). Вокруг собралось почти все племя, но держались тихо, благоговейно, и – как я с удивлением заметил – никто из вибутиан на корзинку не глядел.

– Славьте и преклонитесь! – воззвали к народу жрецы.

– Славься, чистотой дарующая жизнь! – возопило все племя и повалилось подкошенной травой у подножия «престола». Я даже растерялся – никогда еще не видел вблизи такого повального проявления верноподданнических чувств. Самому, что ли, на колени встать? Нет, переживут. В конце концов, я не местный.

Тут Агати-Бобо остро глянула на меня своими сапфировыми гляделками.

– Зачем чужеземцу взирать на то, что сокровенно от недостойных взоров? – вроде бы обратилась она к жрецам, но на самом деле ответ она, конечно, знала. Просто хотела мне еще раз напомнить, кто я такой для нее и где мое место.

Я вежливо помахал Агати-Бобо ручкой и с улыбкой сказал:

– Я вот передам великому Алулу Оа Вамбонга, да воссияет он и да потопчет, как вы обращаетесь с носителем его первого лица! Мало не покажется!

Агати-Бобо только хмыкнула. Похоже, великого Алулу она боялась меньше всего. Еще бы. Она собственной персоной приобщала Царя ко всему прекрасному и благородному: как правильно сморкаться – в лист пальмы, а не в ладонь, как в ушах ковырять – не первой попавшейся веточкой, а специальной золотой ухочисткой; также и правила пользования наложницей объясняла... Но сейчас Агати-Бобо решила не заострять внимания на моей скромной персоне – имелась персона поважнее, та, что агукала в плетенке под пеленкой.

– Внимание! – строго сказала Агати-Бобо, стараясь говорить так, чтобы ее голос разносился над всем поселением подобно грому и прибою. – Сейчас я вытащу Великую Милость из ее колыбели, и вы все крепко зажмурите глаза! Ибо тот, с кем, находясь на земле племени, случайно встретится она своим первым взглядом, будет... ну, вы сами знаете, кем он будет. Не хотите неприятностей на всю жизнь – закрывайте глазки! А кто у нас тут такой масенький, красюсенький лежит? А сьа ето у нас пеленоська? Ути-тютти! Моя масенькая крокодилинка, агу-агу!

...Разумеется, последние реплики относились уже к воркующей в корзинке Государственной Девственнице. Я быстро огляделся – все племя и впрямь позажмуривало глаза. Все, даже жрецы, даже Вечные Девы и сам Тонтон Макут. Только Агати-Бобо медленно и величаво, как в хорошем голливудском фильме, наклонялась над корзинкой, откидывала полог, протягивала руки...

...И совершенно не замечала того, что к ее шее подбирается сверху черная, лаково блестящая на солнце змея!

Откуда взялась эта ядовитая тварь, не знаю. Прямо над «престолом» нависала пышная гирлянда из густо сплетенных цветов и листьев. Может, змея (а насколько я успел заметить,

это местная разновидность гадюки, очень ядовитая, называемая «смерть смертей») с вечера забралась в гирлянду, задремала там, а теперь вот решила таким образом развлечься? Во всяком случае, времени на построение версий у меня не было. Я прямо как Индиана Джонс ненавижу змей. И не могу позволить, чтоб на моих глазах ползучая пакость кого-нибудь ужалила. Пусть даже этот «кто-то» такая неприятная персона, как Агати-Бобо.

Спасибо Царю Алулу, перед тем как отправиться в Непопираемую землю, он научил меня кое-каким магическим штучкам. Например, выстреливать молнией из указательного пальца. Сейчас этот навык очень пригодился. Я навел указательный палец на змею (а время все растягивалось, превращая секунды в века, все вокруг застыло, завязло в неподвижности, и даже воздух заклеивал губы как пластырь), прицелился, сосредоточился и дал разряд.

И сразу все вернулось на круги своя. Время заскакало бешеным зайцем, мир навалился звуками, цветом и запахом, воздух разъяренно шипел, входя в мои легкие. И еще палец болел. Наверно, я перестарался с зарядом.

Точно, перестарался. Произошло все беззвучно, поэтому никто из членов племени так и не открыл глаз, не шелохнулся, и лишь один я видел, что натворил. Мой заряд не только начал смел и змею, и всю цветочную гирлянду. От головы Агати-Бобо тоже ничего не осталось. Во всяком случае, на плечах головы точно не было. Тело Агати-Бобо постояло мгновение, а потом рухнуло наземь с каким-то деревянным стуком.

– Богиня Ар, – пробормотал я, цепенея. – Да что же это? А если я и ребенка задел?!

Отцовских инстинктов у меня никаких, но к детям я определенно отношусь положительно. Да и страшно жалко вдруг стало эту малявку в корзинке, которая только, можно сказать, жить начала, а уже попала в неприятные приключения. По моей, кстати сказать, вине.

Я подошел к «престолу», стараясь не шуметь, с замиранием сердца глянул на корзинку. Ффу, пронесло! Корзинка была цела и даже пеленкой накрыта, а значит, цело и содержимое. Но надо окончательно удостовериться.

Я потянул за край пеленки. Тогда, у реки, я эту пеленку легко откинул, а тут она показалась тяжелой, как каменная плита. Странно. Почему то, что возможно было совершить у Золотой реки, невозможно здесь, теперь, в племени, среди родимых хижин?!

Пеленка все-таки съехала набок, показалось – с каменным шорохом лавины. И я снова увидел девочку. И понял, что изменилось. Теперь она открыла глаза. Она смотрела на меня.

Только на меня.

Это был взгляд, словно...

Словно ты вышел сладкой летней ночью во двор своего дома, запрокинул голову, а небо вдруг придвинулось к твоему лицу, распахнулось легко, как книга, и вся Вселенная посмотрела на тебя, приветствуя и ликуя.

– Кто ты, госпожа?

...Это я спросил?

У ребенка?!

А она, не отрывая от меня взгляда, протянула руки.

– Я, я не могу. Я недостойн! Святые небеса! Жрецы, как вас там, что мне с нею делать?!

Почему-то в тот момент мне никто не ответил, они все онемели, как актеры, забывшие текст на премьере спектакля. Девочка посмотрела на меня строго и нетерпеливо, словно требуя, чтобы я не церемонился и поскорее взял ее на руки.

Она была совсем невесомой и какой-то прозрачной. Поначалу. Потом у нее заурчало в животике, она прищурила свои божественные глаза, сморщила личико и пронзительно заведывала.

Вот тут-то племя и открыло глаза. И увидело меня, чужеземца Степана Водоглазова, с их главной святыней на руках. И рядом – обезглавленное тело Агати-Бобо...

– Что ты наделал, безумный? – вскричал жрец Окойи.

– А я вас предупреждал насчет этого белокожего идиота, – добавил в ситуацию яду Тон-тон Макут.

– Я все объясню! – беспомощно воскликнул я, но было...

Поздно.

Государственная Девственница описалась прямо у меня на руках».

Глава четвертая. Толкование сновидений

И все равно это лучше, чем попасть в Матрицу!
Нео

– Присаживайтесь, – профессионально поставленным голосом сказал своей новой пациентке Викентий.

Она, прежде чем устроиться в предложенном кресле, оглядела комнату. А Викентий в отместку оглядел пациентку. Увиденное его не впечатлило. По сравнению с Элпфис все женщины априорно выглядели замарашками и дурнушками, и Нина Валентиновна не являлась исключением из этого вересаевского правила. Она была невысокой, излишне сухощавой, а черные джинсы и далеко не новая водолазка делали ее похожей на силуэт, вырезанный из старого конверта от фотобумаги. Или на тень. Волосы коротко подстрижены и тоже выкрашены в иссиня-черный цвет. В ушах – о нет! – в ушах покачивались каплевидные сережки из какого-то тусклого черного камня. Не будь Нина Валентиновна достаточно взрослой, Вересаев бы заподозрил в ней склонность к готическому року.

– А вы... скромно живете, – меж тем не слишком тактично отметила женщина в черном.

– Спасибо, я знаю, – кивнул Викентий.

– Такой знаменитый врач...

– Давайте сразу приступим к делу, – отмел комплименты Викентий. – Рассказывайте.

– Что рассказывать? – немного испугалась Нина Валентиновна.

Викентий внутренне поморщился.

– Мы вроде бы говорили о лунатизме, – стараясь быть максимально любезным, напомнил он. – О вашем предполагаемом заболевании. О том, что ваш муж стал свидетелем сомнамбулических проявлений вашего поведения... Вот о проявлениях я и хочу знать подробнее.

...Розамунда конечно же тоже была тут как тут – уютно устроилась на старом комодике под включенной лампой с абажуром. Лампа давала мягкий рассеянный свет, напоминавший золотистый мед, и от этого света шерстка Розамунды блестела как черная парча. «Рисуется, – недовольно подумал про длинноухую «коллегу» Викентий. – Кокетничает. Даже в таком виде. Женщина всегда остается самой собой, будь она хоть в облике крольчихи. Ненавижу женщин. Дуры. Истерички. Энергетические вампиры».

– Вересаев, ты скоро станешь маньяком-женоненавистником, если будешь мыслить столь негативно, – тут же услышал он тихий, но весьма разборчивый шепоток Розамунды. – Тебя самого придется лечить. Я наблюдаю у тебя явную феминификацию.

– Ничего подобного, – огрызнулся Викентий. Напрасно он это сделал, потому что лицо Нины Валентиновны удивленно вытянулось. Как же, доктор разговаривает сам с собой. Или с кроликом, что выглядит еще хуже.

– Не обращайтесь внимания, – неловко усмехнулся Вересаев. – У психиатров свои причуды. Я внимательно слушаю вас, Нина.

Нет, она точно дура. Смотрит на него непонимающим взглядом, спрашивает:

– Как же я вам расскажу о том, что делала во время приступов, если ничего не помню?

Викентий поздравил себя с тем, что терпение его безгранично, как Вселенная.

– Ваш муж был свидетелем приступов, – вкрадчиво начал он. – И именно он убедил вас в том, что вы лунатичка. Какие он привел доказательства? Вы бродили по дому во сне? Писали письма с закрытыми глазами? И еще – при чем здесь африканское племя вибути и русский человек Степан? Да говорите же!

– А, теперь я поняла, – кивнула Нина, устремляясь взглядом куда-то в прекрасное далеко. – Конечно. Муж сказал мне, что несколько ночей подряд я встаю с постели и, не откры-

вая глаз, начинаю упаковывать в чемодан вещи. Свое белье, платья, косметику и так, всякую мелочь. Потом одеваюсь, сажусь за стол и действительно пишу с закрытыми глазами. Пишу одно и то же письмо. Точнее, записку.

– Записки сохранились? Вы их сейчас взяли с собой?

– А нужно было? Я принесу, я сейчас, мигом!

– Не нужно, – остановил ее Викентий. – Потом принесете. Что, по словам вашего мужа, вы делаете после того, как написали записку?

– Он говорит, что...

– Ну же, продолжайте! Вы можете совершенно меня не стесняться, я врач.

– Он говорит, что я начинаю приставать к нему, – опустив голову, пробормотала Нина Валентиновна, а крольчиха Розамунда мгновенно наострила свои длинные бархатистые уши.

– Как женщина? – глупо переспросил Викентий и тут же выругал себя за этот вопрос, представив, как потом будет хихикать над ним крольчиха.

– Да. – И Нина еще ниже опустила голову. – Он говорит, я при этом веду себя, как... как настоящая шлюха.

– Ваш муж знает, как ведут себя шлюхи? Можно лишь позавидовать столь богатой осведомленности. И что же он делает в ответ на ваше, м-м, непристойное поведение?

Тут она подняла голову. Вызывающе сверкнула глазами. О! А Викентий и не подозревал, что тусклые глаза этой провинциалки могут сверкать.

– Наверное, что-то он все-таки делает, – с вызовом сказала Нина, – если я просыпаюсь всегда раздетой.

– Логично, – кивнул Викентий. – Скажите, а чемодан?

– Чемодан?

– Да, чемодан с вещами, которые вы, по словам супруга, собираете в состоянии сомнамбулического припадка. Чемодан где находится, когда вы просыпаетесь?

– Ах это... Видите ли, Олег, то есть мой муж, встает на работу гораздо раньше меня. И он просто возвращает вещи на место, а чемодан убирает. Дело в том, что он очень педантичен и аккуратен. Любит, чтобы все было разложено по полочкам, ящичкам... Знаете, мне кажется, он рассказал мне, что я вытворяю по ночам, только из-за того, что ему надоело каждое утро разбирать собранный мной чемодан.

«Сомнительно. Это не чемодан виноват. Скорее всего, ведя себя как шлюха, она требует от своего педантичного мужа слишком многого. А вообще вся история яйца выеденного не стоит. Классического варианта лунатизма я тут не наблюдаю. Чепуха. Для чего она все это придумала? Но, с другой стороны, она упомянула про вибути. И про Степана. Она не могла знать о моем прошлом, эту сторону жизни я не афиширую. А с того памятного нашествия вибути на Москву прошло... бог мой, почти пять лет! Так что вряд ли она прочитала о вибути во вчерашних газетах. Ничего не понимаю».

– Зачем вы все это выдумали? – тихо спросил Викентий у Нины.

– Я ничего не...

– Вам захотелось выяснить мою профессиональную компетентность? Или просто поболтать с соседом, когда мужа нет дома?

– Я ничего не... Как вы смеете!

– Смею, потому что не верю вам. – Викентий с чувством выполненного долга откинулся в предательски скрипнувшем плетеном кресле.

– Но я говорю правду! – воскликнула Нина Валентиновна. – Я могу поклясться, что...

– Клясться не надо. И плакать тоже не надо, я давно выработал иммунитет к женским слезам. Мне нужна правда.

– Гипноз, – прошелестел со стороны крольчихи профессиональный совет.

– Загипнотизируйте меня, – нашлась и Нина Валентиновна. – Спросите обо всем, что я рассказала вам! Ведь под гипнозом люди говорят правду!

– Верно. Только некоторые очень хорошо имитируют гипнотический сон. Так же как и лунатизм. Не думаю, что с вами у нас что-то получится, Нина. Всего хорошего.

Она встала, всем видом излучая обиду и неприязнь.

– Я сейчас принесу вам те записки... Про которые говорила! – пообещала она.

– Записки можно написать, находясь и в здравом уме и твердой памяти. Для этого не нужно изображать из себя сомнамбулу. Можно написать их даже прямо сейчас, – отмахнулся Викентий. – Не утруждайтесь. Не валяйте дурака. И не отнимайте мое время.

– Вы... Я думала, вы и вправду сможете помочь мне, – тоскливо проговорила Нина. – Я не лгала вам.

Она шагнула к выходу из комнаты.

– Минуточку! – громко заявила о себе Розамунда. – Полагаю, здесь не обойтись без независимого эксперта! – Она грациозно спрыгнула с комода и подскочила прямо к ногам Нины. Села на задние лапки, пошмыгала носиком и сказала: – Нина Валентиновна, только давайте без обмороков!

– Давайте, – согласилась Нина и без сознания брякнулась на пол.

– И чего ты этим добилась? – картинно развел руками Викентий, глядя на крольчиху.

– Хотя бы одного, – подняла лапку та. – Ты ее не выгонишь до тех пор, пока не приведешь в чувство. Принеси нашатырь.

Викентий поморщился (иногда у Розамунды прорезывалось такое чувство дамского деспотизма), но за нашатырем таки в аптечку слазил. Потому что вид женщины, в отключке валяющейся у него на полу, немного нервировал.

От нашатыря Нина Валентиновна принялась неистово кашлять.

– Пожалуйста, воды, – прохрипела она. – У меня аллергия на аммиак!

Викентий подал ей воды, помог подняться и снова усадил в кресло. Нина Валентиновна истошно завизжала, потому что в этот же момент крольчиха Розамунда вспрыгнула ей на колени.

– Спокойно! – потребовала крольчиха. – Держите себя в руках, Нина Валентиновна, и нам не придется применять смирительную рубашку!

– Она разговаривает! – указывая на крольчиху, пожаловалась Нина Валентиновна Викентию.

– Пальцем показывать нехорошо, – тут же отреагировала на это Розамунда. – Кто вас воспитывал, дамочка?!

– Она разговаривает! – повторила Нина Валентиновна.

– Я в курсе, – кивнул Викентий. – Вы не волнуйтесь так, Нина.

Нина Валентиновна подозрительно глянула на него:

– Значит, галлюцинация не только у меня? У вас тут в воздухе распылено что-нибудь... наркотическое, да?

– Вам надо писать сценарии ролевых игр, Нина Валентиновна, у вас богатое воображение, – протянул Викентий. – Ничего в моем доме не распылено. И утечек бытового газа нет, если вы вдруг и об этом подумали. А касательно крольчихи... Познакомьтесь, ее зовут Розамунда. Она тоже врач. С дипломом военно-медицинской академии, между прочим. И, предвидя ваш новый вопрос, скажу, что Розамунда – морфер. Ну, чтоб вам легче было понять – оборотень. Только у нее нарушена возможность преобразования в человека, в этом заключается вся проблема.

– Разве оборотни бывают на самом деле? – изумилась Нина Валентиновна. – Боже мой, о чем я говорю! Это решительно невозможно! Знаете, мне кажется, что я сплю. Или как раз

сейчас и нахожусь в сомнамбулическом состоянии. И мне снится, что я пришла к вам, встретила тут эту...

– Я бы попросила вас, Нина Валентиновна! – возмутилась крольчиха. – Никакой это не сон. У вас же от нашатыря аллергия.

– И что?

– Аллергены не имеют свойства сниться столь... реалистически.

– А можно я вас... потрогаю? – решила Нина Валентиновна.

– Вообще-то это лишнее, – нелюбезно фыркнула крольчиха. – Я и так уже у вас на коленях сижу, чтоб вы удостоверились в моей полной материальности. Но ради вашего спокойствия... Можете погладить мое правое ухо. Я же ясно сказала – правое!

– Извините, я не сориентировалась сразу. А почему вы оборотень?

– Если вам так привычнее, можете называть меня оборотнем. Но вообще-то я морфер, хотя объяснять вам, что это означает... Нет, я не настолько жестока... Почему я оборотень, спрашиваете? А почему вы именно Нина Валентиновна Первова, а не Абдурахман Ибрагимбеков, к примеру? Или Юй Суй какой-нибудь? Или пресноводная черепаха? Так переплелись цепочки ДНК, что мы именно то, что есть. Мне, например, не мешает то, что я, как вы изволили выразиться, оборотень. Немного досадно, что систему моей мутации считают настолько примитивной. Оборотни – это низшая ступень инволюции морферов. Мы выродились, измельчали...

– Я ничего не понимаю! Это какое-то колдовство, да?

– Нет, это не колдовство. Это внеквантовая метафизика материального разума, – выпалила Розамунда единым махом. – Теория пересоздания псевдоментальных полей. Векторное развитие сознания. Такая терминология вас больше устраивает?

– Да, – нервно хихикнула Нина Валентиновна. – Вообще-то мой муж физик... Т-теоретик.

– Что ж, тогда, полагаю, вы найдете с Розамундой общий язык, – вступил в разговор Викентий, наблюдая за тем, как Нина Валентиновна осторожно гладит Розамунду за ухом. – А теперь давайте вернемся к изначальной теме нашего разговора.

– Да-да. – Взгляд Нины Валентиновны все еще был рассеянным.

– Насколько вы помните, я высказал сомнение в вашей сомнамбулической болезни, – любезно напомнил Викентий. – И также добавил, что гипноз тут не помощник, поскольку стандартные лунатики имеют обыкновение ходить во сне, только если этот сон был их собственным, а не навязанным извне.

– Я не совсем уловила, но ладно... – сказала Нина Валентиновна. – Напрасно вы мне не верите, доктор.

– Он поверит, – крольчиха аккуратно высвободила свое ухо из пальцев Нины Валентиновны, – если у вас будет свидетель. Наблюдатель. Я.

– То есть как?

– Очень просто. – Крольчиха-морфер спрыгнула с колен Нины Валентиновны и смешно заскакала повязанной из тряпичных полос дерюжке туда-сюда, что, видимо, в другом случае должно было означать глубокомысленное расхаживание по кабинету какого-нибудь светила науки. – Вы берете меня к себе в дом, Нина Валентиновна. На несколько ночей. Ночи на три, к примеру. Я стану наблюдать за вами и фиксировать все случаи лунатизма, буде таковые возникнут. Кстати, а никакого снотворного вы на ночь не принимали?

– Нет. Я всегда хорошо засыпала.

– Отлично. И не вздумайте принимать. Для чистоты эксперимента.

– Хорошо... Простите, Розамунда, а чем я...

– Будете меня кормить? О, я непривередлива. Вегетарианская кухня в самый раз. Немного салата из корейской моркови. Хотя можно просто квашеной капусты. Или винегрета.

– Я в общем-то не об этом. Как я мужу объясню, с какой стати у меня в доме объявился кролик соседа?

– Дамы, я устраниюсь, – отгородился ладонями Викентий. – Это вы без меня решайте. И вообще, Нина, кому нужно вылечиться от лунатизма – мне или вам?

– Мне. Хорошо. Я что-нибудь придумаю.

...В тот же вечер Викентий с легким сердцем отправил Розамунду к своей сомнамбулической соседке, а сам отправился на дежурство в клинику. И едва переступил порог рабочего кабинета, как все мысли о Розамунде и крольчихе вылетели у него из головы. Потому что пациент из палаты депрессивных снова угрожал суицидом, если к нему из Саратова немедленно не придет девушка, с которой он познакомился по Интернет-переписке и в которую безумно влюбился только на основании красивых писем. То, что девушка, вероятней всего, была давно замужем и на переписку пошла лишь из ленивого интереса, пациента не волновало. Вересаев боялся жалеть этого, в общем, неплохого мужика, влюбившегося на пятом десятке лет в фантом и собственную мечту. Боялся, потому что знал: пожалеешь – не вылечишь. Это раз. А еще эта ситуация напоминала ему об Элпфис, его собственном прекрасном фантоме. Это, как говорил великий сыщик Эраст Фандорин, два.

– Викентий Петрович, Антон Медлин сегодня учудил: стакан разбил и осколком хотел себе вены порезать, – сосредоточенно сказала медсестра. – Пришлось его изолировать и вколоть препарат.

– Аминазин?

– Да.

– Я же просил, – досадливо поморщился Викентий. – Тут не эта дрянь кайфоломная нужна, а методичная психотерапия!

– Но он буянил! У санитары Кости на руке, наверно, синяк будет.

– Ладно, я с ним поговорю.

– С Костей?

– Нет, с Медлиным. Спасибо, Мария Игоревна, текущие истории болезней я сам просмотрю. Что еще нового?

– Вот. Посылочка на ваше имя сегодня пришла.

Медсестра протянула Вересаеву небольшую коробочку в оберточной бумаге. Обратного адреса не было, только адрес клиники и фамилия Викентия. Тот поднес коробку к уху, прислушался:

– Там не бомба?

Мария Игоревна всплеснула руками:

– Да избави боже!

– Мне не нравится, что обратного адреса нет. И штемпели размыты. Да и для своего размера посылочка довольно тяжелая...

– Викентий Петрович, давайте я ее лучше в утилизатор, а? Вдруг кто из наших бывших пациентов так балуется?

– Сомнительно, – рассеянно возразил Викентий, баюкая посылку в руке. – Ладно, я проверю, что там за сюрприз.

Повинуясь его выразительному взгляду, Мария Игоревна вышла из кабинета. Викентий отчего-то запер за ней дверь на ключ. Поставил коробочку на стол, аккуратно, справляясь с непонятным волнением, разорвал оберточную бумагу... Коробочка под нею оказалась деревянной, покрытой черным лаком, и этот лак почему-то показался Викентию свежим, еще непросохшим. Возможно, потому, что, едва Викентий освободил посылку от бумаги, по кабинету распространился странный полужнакомый аромат. Нет, это конечно же был не лак. Скорее всего, так пахнут цветы. Цветы с плотными и сочными лепестками, напоминающими души-

стую ладонь любимой девушки. Цветы, будоражащие кровь и заставляющие тосковать о безвозвратно ушедшем времени.

Викентий вздохнул и поддел ногтем крышку коробочки. Она откинулась так легко, словно только и ждала прикосновения человеческих пальцев...

Аромат стал не просто сильным. Он заполнил собой весь окружающий мир и расцвел его новыми красками. Викентий отчего-то задрожал и только молча смотрел на то, как из недр коробочки навстречу ему поднимается округлый, крепкий, лоснящийся бутон невиданного цветка.

– Фокус, – бессмысленно произнес Викентий. – Парад-алле.

Бутон поднялся до основания, а затем с легким треском, напоминающим треск крыльев бабочки по оконному стеклу, раскрылся. Аромат стал невыносим. Викентий всерьез испугался, что на этот запах сладкой неги и страсти сбежится вся клиника.

– Не надо, – сказал он цветку. – Ну, пожалуйста...

Однако цветок явно не услышал обращенной к нему мольбы. Его золотистое сердечко, опушенное ярко-алыми тычинками, вдруг вспухло и выплонуло из себя крошечного, не больше мизинца, человечка. Человечек был смуглым и голеньким, не считая пышной травяной юбочки. Крошка приветственно поклонился Викентию и запищал на пределе слышимости:

– Катанго наблаг кентино! Суареги! Суареги наблаг этано! Суареги! Но-х-ин наблаг Тонтон Макут овамбо куантино тау тимо! Суареги! Суареги наблаг этано!

– Суареги, – шепотом повторил за крошкой Викентий. – Если бы я еще мог понять, о чем ты так жалобно причитаешь... О нет. Пожалуйста, не умирай.

Однако теперь крошка вовсе не обращал внимания на Викентия. Пропищав несколько раз загадочное слово «суареги», крошка пошатнулся и ничком упал на сердцевину цветка.

– Какой ужас, – тоскливо прошептал Викентий, беря в руки коробочку с цветком, чьи лепестки прямо на глазах начинали вянуть. – Я настоящий убийца Дюймовочек.

Он подошел к стене с висевшей на ней репродукцией картины «Над вечным покоем». Отодвинул картину в сторону, за ней обнаружилась дверца сейфа. Викентий открыл сейф и поставил коробочку с цветком и мертвым крошкой рядом с тремя точно такими же. Только на трех первых цветах листья окончательно почернели и скукожились, да и запах из сейфа шел не самый приятный.

Викентий тщательно запер сейф и вернул картину на место. Потом включил вентилятор, чтоб разогнать остатки цветочного аромата. Сел за стол, придвинул к себе папки с историями болезни, но думал совершенно о другом. Он думал о том, что такие посылки может присылать только один человек. И еще он чувствовал, что с этим человеком случилась какая-то неприятность.

...Потом у него была долгая и душераздирающая беседа с пациентом. Тем самым Антоном Медлиным, который возомнил себя лучшим в мире виртуальным любовником. В результате беседы Антон пообещал больше не предпринимать попыток самоубийства хотя бы в ближайшие три дня, и это радовало. Один положительный результат за день – уже прогресс.

Ночь Викентий провел в клинике – практически без сна, потому что во время поздней работы у него всегда начиналась кратковременная бессонница. Он почитал новые медицинские журналы, сыграл в маджонг с санитаром Вовиком, послушал сплетни в ординаторской... И лишь утром, уже возвращаясь домой, вспомнил про сомнамбулическую соседку и крольчиху Розамунду. Кажется, нынешней ночью Розамунда должна была проверять Нину (а точно ли соседку зовут Нина, или Викентий что-то спутал?) на предмет истинности или мнимости лунатизма последней. Но видит бог, Викентий сейчас меньше всего хотел решать проблемы блуждающей по ночам дамочки. И с крольчихой разговаривать – выше сил. Хотя если с ней обращаться не деликатно и без внимания – начнет так обижаться, что хоть из дому беги. На

четверть высший морфер, крольчиха Розамунда считала Викентия существом примитивной расы. А ему сейчас ох как не хотелось выслушивать подобные комплименты.

Поэтому он очень аккуратно, стараясь не шуметь, проник в свой дом. Прошел на кухню, нацедил из банки вчерашнего вишневого компота, старательно выловив все вишни – их приходилось отдавать Розамунде, иначе Викентия ждала новая лекция на тему скаредности отдельных представителей человеческого рода. Выпил, двинулся в спальню, но по дороге увидел дремлющую в кресле крольчиху. И рядом – белый бумажный лист.

– Похоже, коллега, вы добыли-таки доказательства, – тихо усмехнулся он. Поднял листок, развернул...

Вверху на машинке (на его, Вересаева, здешней пишущей машинке) было напечатано:

«Образец автоматического письма Первой Н. В. От... января 20... года. В анамнезе: помрачение сознания с сомнамбулическими обсессиями. Наблюдает Лунч Р.» Фамилия крольчихи была Лунч. И на машинке эту подпись она собственноручно настукала. А вот дальше шел просто почерк, совершенно незнакомый и какой-то рваный, дерганный. Ненормальный полуночный почерк:

«Степан в беде Честь Помощь Кешаня друг загибаюсь приезжай приезжай приезжай Африка вибути девочка Степан Кешаня друг помощи не оставь Степан Кешаня Африка вибути любым способом помощи обвинение осквернение девочка помощи Степан».

– Она не лгала, – только и сказал Викентий. – Но почему она, а не я?

И еще ему показалось, что в его доме распространился аромат тех самых сладко-страстных цветов с лепестками, напоминающими ладони любимой девушки.

Глава пятая. На дне

*Прежде чем выйти замуж, убедитесь, что у вас под рукой всегда
есть заброшенный колодец!*
Долорес Клейборн

Из рукописи С. Водоглазова «Русский в джунглях»:

«Мне казалось, что за годы, проведенные в племени, я узнал о вибути все, что только возможно узнать. Однако до сего момента с одной стороны их жизни я не имел несчастья познакомиться.

Я и не подозревал, что у вибути тоже существует пенитенциарная система. Хотя нет, это не слишком правильное определение. В общем, я не знал, что у вибути есть тюрьма для преступников, потому что до сей поры был уверен: преступников в этом райском племени нет.

Только отныне я стал преступником сам. Государственным, между прочим, преступником.

В чем еще раз проявилась моя яркая индивидуальность и неповторимость.

Меня отправили в тюрьму за два чудовищных преступления: я лишил жизни (хоть и непреднамеренно) царскую няньку Агати-Бобо и осквернил своим прикосновением Государственную Девственницу. Причем, как я понял, то, что я взял на руки описавшуюся малышку, было большим грехом, чем обезглавливание суровой няньки. Тем более что, по слухам, няньку собирались вернуть к жизни, точнее, к подобию жизни – в племени есть качественные аниматоры, специалисты по восстановлению мертвых. Так что Агати-Бобо вполне сможет выполнять свою работу по отравлению жизни всем членам племени, даже будучи зомби. Ей даже голову восстановят. По кускам.

...И что они так взъелись на меня за этого младенца? Сцена тогда вышла просто безобразная: девчонка у меня на руках верещит, жрецы завывают от ужаса, Совет Вечных Дев как по команде падает в обморок, а Тонтон Макут старается пронзить меня своим ненавидящим взглядом. А я стараюсь всех их урезонить и объяснить, что в няньки этой крикунье я не нанимался, что пусть ей кто-нибудь даст памперс и – черт побери! – я вовсе не хотел убивать Агати-Бобо! Кто там кричит, что я осквернил святыню племени?! А, конечно, кто ж еще может так вопить...

– Послушайте, Тонтон Макут, я ничего не осквернял! Какая святыня?!

– Девочка! Девочка – святыня, белокожий негодяй!

– Я всегда подозревал вас, Тонтон Макут, в тайной педофилии и неприкрытом расизме. Кто-нибудь возьмет у меня этого несносного ребенка?!

– Ее могла взять на руки только Агати-Бобо! Зачем ты убил няньку?!

– Я не нарочно. Да заберите от меня ваше государственное чадо, у меня уже все шорты мокрые ее стараниями!

Но бестолковщина продолжалась. Жрецы выли, советницы-девы валялись в обмороках (позы для обмороков они выбрали самые привлекательные, но не ко времени было их рассматривать), Тонтон Макут потрясал жезлом... Что неприятнее всего, доселе яркий свет солнца потускнел, и, глянув на небо, я увидел, что его заволакивает какой-то серой пеленой.

– Люди, погода портится! – возопил я. – Давайте конструктивно подходить к проблеме!

Ситуацию спасла Онене. Сейчас она, кстати, выглядела просто ослепительно – парео из белоснежной ткани вокруг дивных бедер и пышная цветочная гирлянда на груди делали ее достойной новой картины Гогена. Мало того. Гоген написал бы исключительный шедевр, если б ему позировала божественно-лысая Онене... Простите, отвлекся. Так вот, моя прекрасная вибутянка спокойно подошла к обезглавленному телу Агати-Бобо и вытянула у той (у тела,

само собой) из рук полосу светлой полупрозрачной ткани. Обмотала этой тканью собственные прелестные ладошки. А потом, утешительно мне улыбнувшись, взяла у меня кисло хныкающую Государственную Девственницу.

– Тебя за это не казнят? – на всякий случай спросил я у Онене.

– Нет, – ответила та. – Видишь ткань? Это пеленка из паутины священного паучка аванси-мбонси. Когда ею укроешь руки, можно прикасаться к Государственной Девственнице. Так что я не пострадаю. А вот ты, Этано...

Она горестно покачала головой.

– Не хочешь же ты сказать, что мне отрубят руки за то, что я всего-то вытащил эту сопливку из мокрой корзинки?! – взволновался я.

– Руки-то не отрубят, – непонятно ответила Онене и обратилась к старшему жрецу: – Отец светлых дней, повели моему недостоинству внести это дитя в Дом Хранительницы.

Старший жрец до того момента пребывал в прострации, но тут ожил и, окинув взглядом Онене, залопотал:

– Ты поступила почтительно и верно, дочь племени. Ступай, внеси ее, и да пребудет с тобой Перо Белой Птицы!

Онене, изящно покачивая бедрами (я вздохнул), направилась к очередной хижине, крыша которой густо заросла симпатичными желтенькими цветочками. Едва она скрылась в проеме хижины, как все племя очнулось. И теперь глаза дружественного народа вибути неласково смотрели на меня.

– Он нарушил церемонию Входа Девственницы В Племя! – обличительно прокричал Тонтон Макут.

– Он убил Агати-Бобо! – возопили девы-советницы, как-то очень оперативно повыскакивавшие из своих обмороков.

– Его ждет медленная и мучительная смерть! – мрачно пообещал старший жрец.

– Погодите! Я же не хотел! – возмутился я. – А презумпция невинности?! И потом – я иностранец! У меня дипломатическая неприкосновенность! У меня в России влиятельные друзья! Вася Царицынский отомстит вам за мою смерть!!!

В ответ Тонтон Макут употребил труднопереводимое вибутянскре ругательство, в котором предлагал Васе Царицынскому проделать путь туда, где никогда не восходит солнце, и заодно оказать услуги интимного свойства крокодилу-плакальщику.

Тут же кликнули стражу, и меня в прямом смысле скрутили по рукам и ногам. Мне сразу припомнилось все, что я читал в детстве о кровожадности африканских племен. Жюль Верн там, Луи Жаколио, Майн Рида... Или Майн Рид про индейцев писал? В любом случае, это не поднимало мне настроения. Вот сейчас, думал я, они как разожгут большой костер на главной площади, как подвешат меня над этим костром, будто куропатку на вертеле... И под мои душераздирающие вопли примутся плясать боевой ритуальный танец, а также исполнять воинственную песню под названием «Гори, гори, мой лучший враг!». А потом еще и съедят меня – свежепрожаренного. Интересно, кому достанется мое бедро? Или копченые ребрышки? Уж не Тонтону Макуту, ясно. Он ведь явный любитель филейной части...

Тут я опомнился и сказал себе, что нельзя умирать раньше смерти. Следует сопротивляться из последних сил, тогда, возможно, моя филейная часть колдуну не достанется.

– Стойте! – завопил я, дергаясь в путах, как влипшая в цветок росянки муха. – Требую судебного расследования! Царь Алулу будет очень недоволен, когда узнает, что вы со мной сделали!

Стража остановилась. Ага, подействовало. И Тонтон Макут помрачнел.

– Облом, – сказал он на чистом вибутянском. – Этот несимпатичный сын стоногого слизня-угубо, к несчастью, оставлен Царем Алулу Оа Вамбонга...

– Да воссияет он в Сонме богов и да потопчет своих врагов!

– Аминь!!!

– ...оставлен Заместителем. И значит, мы не можем предать его медленной и мучительной смерти до тех пор, пока Царь Алулу Оа Вамбонга...

– Да воссияет он в Сонме богов и да потопчет своих врагов!

– АМИНЬ!!!

– ...не возвратится из Непопираемой земли.

– О, слава великим богам Онто и Ндунги! А также богу Камратию и богине Манюнюэль, да хорошеет она вечность и да ярко блистает ее лысая голова! – радостно вскричал я, потому что знал – в ближайшие сто лет Алулу из Непопираемой земли возвращаться точно не намерен, он сам мне так говорил. А ста лет мне хватит, чтоб прожить безбед... То есть вообще прожить. – Отпустите же меня! А то Царю нажалуюсь. Вот это я зря сказал. Получается, я такой слабак и монархический лизоблюд, который без высокого покровительства и шагу ступить не может. Ну, я бы посмотрел на вас, как вы, дорогой читатель, верещали бы, если б повисли на палке со связанными руками и ногами и в перспективе у вас маячило рагу или жаркое из вас же самих! Так что не надо взывать к моим благородным чувствам. Они у меня сразу куда-то испаряются, стоит лишь намекнуть на какую-нибудь мелкую неприятность типа казни, пытки или уплаты налогов...

Опять я отвлекся. Одно хорошо – казнить меня раздумали. Но освобождать не стали, поволокли куда-то за границу поселения, в мрачные заросли чрезвычайно колючего кустарника ую. Да, так кустарник и называется – ую. А что бы вы кричали, когда вас раз этак двести поцарапают его колючки?! Вот-вот, я кричал то же самое.

Наш отряд (я – связанный и подвешенный на палке, вокруг сердитая стража) сопровождали лишь Тонтон Макут и жрец Окойи. Они, видимо, следили за тем, чтобы стражники, вынужденные слушать мои громкие вопли протеста, не сжалились и не прирезали меня по дороге. Или, наоборот, не выпустили – тут ведь все зависит от степени милосердия, верно?

Кое-как изогнувшись, я осмотрелся и выяснил, куда меня приволокли. Кошмар! Сие местечко было мне известно по предыдущим экскурсиям вместе с прелестной Онене (вздыхаю, вздыхаю, вздыхаю!). Это был Непосещаемый храм богини Ар. Храм выглядел крайне отвратительно – ветхий и в то же время массивный, окруженный злобно скалящимися идолами и изваяниями каких-то жутких зверюг вроде драконов. Нет, я ничего не имею против драконов, но желательно, чтоб они выглядели мирно и привлекательно. В общем, вы меня поняли.

Не знаю, кто был дизайнером Непосещаемого храма, но, похоже, в его фантазиях наблюдался явный перекося в сторону крупномасштабного саспенса. На отделку храма богини Ар пошло невероятное количество человеческих черепов и тазовых костей. А поскольку дизайнер был, вероятно, человеком (или нечеловеком) практичным и экономным, то все остатки упомянутых скелетов – руки-ноги, ребра, позвонки свешивались с близстоящих деревьев, покачиваясь от легкого ветерка наподобие тех китайских звенящих штучек, которые поначалу очень нравятся, а потом страшно раздражают своим безмятежным звоном по каждому поводу...

– Люди! – воззвал я к лучшим чувствам своих пленителей. – Что вы намерены со мной делать? Отпустили бы вы меня, а?

– Молчи, осквернитель святынь! – рыкнул на меня Тонтон Макут.

– Ах так, да? Вот только не надо меня засовывать в этот костлявый храм! Это ведь тоже святыня! Как возьму да и оскверню ее! Богине Ар, да каплет вечно кровь с ее кариозных клыков, это очень не понравится!

Колдун в ответ на это только ядовито усмехнулся и покачал рогами. Видимо, он справедливо полагал, что такую богиню, как Ар, фиг расстроишь. Напротив, она даже будет довольна, что ей на растерзание отдали наглого русского, то есть бедного меня!..

Однако в храм меня не внесли. Теперь я об этом жалею. А в тот момент даже обрадовался. И радовался до того момента, как жрец Окойи не наступил на какой-то неприметный

камушек. Тут же перед дверями храма разверзлась достаточно вместительная яма, доселе хитро маскировавшаяся кучей сухих веток и костей.

И догадайтесь, кого в эту яму поместили?

Бинго!!!

Вы угадали!

– У меня клаустрофобия! – вопил я, отбиваясь и вырываясь из лап этих мерзавцев. – Я с детства плохо переношу ямы! Требую соблюдения прав заключенных! В этой яме даже телевизора нет! И где мой законный один звонок адвокату?! Сволочи, я вам еще отомщу!

В общем, они крайне нелюбезно спихнули меня в яму. Летел я сравнительно неглубоко – метра три, наверное. Но упал крепко. И еще какая-то гадость сразу больно впилась в лопатку. Я тут же вскочил:

– Мы так не договаривались! Здесь камней полно, а я босиком! А вдруг тут змеи?! Вы предупредили змей о моем появлении?! Предупредите, иначе это плохо кончится!!!

– Молчи, немужественный чужеземец, – осадил меня Тонтон Макут. – Молчи и радуйся, что этим заключением избегаешь медленной и мучительной смерти.

Нет, как этот рогатый сморчок меня, а? «Немужественный чужеземец»! Да знал бы он, какое мужество на самом деле требуется от того, кто каждый день наблюдает его рогатую башку! И обоняет его вонь, по сравнению с которой любая тайваньская подделка под французский одеколон покажется рапсодией божественных ароматов!

– Вот уж спасибочки! – разозлился я. – Сам бы тут посидел, почтенный колдун, так, глядишь, и гильотина за счастье показалась бы!

– Я сидел, – сообщил мне Тонтон Макут. – В порядке проверки пригодности данного места заключения. Вполне приличная яма. С удобствами.

– И где эти удобства?! – опять завопил я.

Но подлый Тонтон не ответил. Вместо него подал голос жрец Окойи:

– Преступник, славь великого Онто и грозную Ар, а пищу и воду тебе будут приносить один раз в день. И довольно с тебя. И не надейся сбежать, потому что Тонтон Макут своим заклятием призвал чудовищ, которые будут стеречь тебя. Будешь сидеть в этой яме до тех пор, пока не вернется из Непопираемой земли великий Алулу Оа Вамбонга, да воссияет он в Сонме богов и да потопчет своих врагов... Эй, чужеземец!

– Чего?

– А почему ты не кричишь «аминь»?

– Потому, что я не хочу кричать «аминь», ставши жертвой вашего жреческо-колдовского произвола! Я не хочу гнить в этой яме ближайшие сто лет! Дайте мне условный срок! Штрафной батальон! Рабство на банановых плантациях! Но только не эту яму!

– У нас для всех преступников наказание одинаковое, – злорадно пояснил Тонтон Макут. – В яму, и точка. Потому у нас в племени и нет преступников. А тебе просто не повезло.

Я понял, что их самоуверенность просто так не прошибешь и на жалость давить тоже бессмысленно.

– А почему тут никакой мебели нет! Я, может, хочу письмо родственникам отправить! Сесть за письменный стол, раскрыть ноутбук, выйти в Интернет, – заявил я. – Дайте мне хотя бы перо, чернил, бумаги!

Не дали, конечно. У них иной раз пальмовых листьев на новую набедренную повязку не допросишься, а тут – бумага, ноутбук... Дикие люди. Вместо того чтобы милосердно отнестись к заключенному, кинули в меня чьим-то старым иссохшим черепом. Промажнулись.

...И вот теперь, почтеннейшая публика, сижу я в вибутянской тюрьме. По типу архитектуры она относится к «яме глубокой» и «колодцу пересохшему, заброшенному». Роль моей постели (она же ложе скорби и лежбище на гноище) исполняет охапка травяной трухи, от которой пахнет сильно немывтыми ногами. Украшением моей камеры служат разнообразные камни

и тот самый одинокий череп (которым в меня кинули, если помните). О сантехнических удобствах даже говорить не буду, чтоб вас не расстраивать. Одно хорошо. Кормят меня здесь так, что, чувствую, эти удобства мне скоро не понадобятся. Эх, вернулся бы Алулу поскорее! Вот хоть прямо сейчас! Он бы не дал так надо мной издеваться!.. Какой же я идиот! Поначалу радовался, что остался в живых, а теперь, посидев в этом африканском равелине неделю-другую, понял, что лучше бы уж меня изжарили...

Несколько раз на дню я пытаюсь из ямы сбежать. Способ побега стандартный: надо ухитриться вскарабкаться по отвесной и очень гладкой стене ямы и при этом не потревожить моих стражей, тех, что наверху. Пока прогресса нет, но я еще лелею надежду...

А сегодня у меня появился собеседник. Истомленный одиночеством и паршивым воздухом ямы, я страшно ему обрадовался, хотя это был всего-навсего крокодил-плакальщик. Он пристроился на краю ямы, свесил внутрь свою унылую морду и подал голос:

– Штрафствуйте, как пошиваете?

У всех крокодилов-плакальщиков большие нелады с дикцией, что немудрено: попробовали бы вы поговорить нормально с такой пастью и с такими зубами! Но я буду приводить наш диалог в обычной транскрипции, чтоб было понятнее.

– Привет, – сказал крокодилу я. – Поживаю я тут хреново, сам понимаешь. Хуже, чем мне, никому уже быть не может, так что не вздумай мне на судьбу плакаться. Ты наверху, на свободе, а я гнию в этой дыре. И гнить мне предстоит долго, до тех пор, пока Царь Алулу, да воссияет он и да потопчет, из Непопираемой земли не воротится...

Тут мне на макушку что-то горячее закапало. Крупными такими каплями.

– Эй, крокодил! – говорю, – Ты чего брызгаешься?

– Простите, – отвечает. – Это я плачу. Рыдаю над вашей горестной судьбой, благородный господин.

Что ни говорите, а сочувствие иногда бывает приятной штукой! Даже если выражает его такой вот крокодил...

– Спасибо, дружище! Тебя как зовут, маленький брат-крокодил?

– Шлепающий По Болоту. А как ваше имя, скорбный узник?

– Степан я. Слушай, Шлепающий, а какие чудовища меня сторожат? Как они выглядят? Зубов много?

– Господин Степан, на самом деле это я вас сторожу, – ответил Шлепающий По Болоту. – Зубов у меня немного, но те, что остались, довольно крепкие. Сегодня вас сторожить – моя смена. А завтра вас будет сторожить Тихо Скулящий На Луну. Только он не такой общительный, как я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.